

Г.А. Савина

ЧИСТЫЕ ЛИНИИ

(В.И. Вернадский о Н.И. Вавилове)*

В свете учения о чистых линиях пришлось прежде всего заново пересмотреть так называемый вопрос о наследственности приобретенных признаков, на котором базировалось учение Ламарка. Экспериментальные исследования, законченные до настоящего времени, дают на этот вопрос отрицательный ответ.

Н.И. Вавилов, 1929 г.

Государственная мораль единого государства, хотя бы и социалистического, в его современной форме не может удовлетворить критическую свободную мысль современного ученого и его моральное сознание, ибо она не дает для этого нужных форм.

Раз возникшее в ученой среде и неудовлетворенное чувство моральной ответственности за происходящее и убежденность ученых в своих реальных для действия возможностях не могут исчезнуть на исторической арене без попыток своего осуществления.

В.И. Вернадский, 1938 г.

История любой науки складывается из многих неравновеликих составляющих: из ярких и оригинальных открытий тех, к именам которых мы привычно прилагаем эпитеты "видный" и "выдающийся", и из повседневного будничного труда огромной армии людей научного творчества более скромного ранга. И лишь совсем немногим удастся подняться до таких вершин в науке, когда мир идей развивается на уровне синтеза планетарных явлений или "философии бытия", когда их вклад в копилку человеческих знаний определяет на многие десятилетия представления о научной картине мира, когда к старомодным словам "естествоиспытатель" и "натуралист" само собой напрашивается нестареющее — "мыслитель".

Пожалуй, трудно назвать кого-нибудь еще из отечественных ученых, кроме Вернадского и Вавилова, кто бы достиг этих самых высоких этажей здания, выстроенного наукой в XX в., и сумел в такой же степени, как они, преодолеть узкие рамки специализации, перекинуть мосты от биосферы к ноосфере, уверенно "стоять на глобусе", видеть за задачами на злобу дня далекие перспективы будущего.

Сегодня мы называем Вернадского и Вавилова классиками

* Автор приносит искреннюю благодарность научному сотруднику Архива РАН М.Ю. Сорокиной за указание ряда шифров дневниковых записей Вернадского о Вавилове.

современного естествознания, а ведь многие из их идей были настолько пионерскими, что даже видные и выдающиеся ученые не сразу понимали глубокий, рассчитанный на историческую перспективу смысл опередивших время научных концепций. В связи с 10-летним юбилеем Всесоюзного института растениеводства и 25-летием научной деятельности Вавилова саратовский профессор, агроном академик АН СССР Н.М. Тулайков прислал Николаю Ивановичу теплое и, пожалуй, личное письмо, датированное 19 февраля 1935 г., в котором, в частности, писал: "Вашей поистине неутомимой и неутолимой энергии мы обязаны теми огромными ценностями, которые мы пока еще совсем не научились ценить и даже понимать. Сам я только в последнюю поездку с Вами понял и воспринял то исключительное по ценности богатство, которое доставили Вы нашей стране своими путешествиями и привезенными коллекциями. Для меня это долго было делом коллекционерства, и только за последнее время я почувствовал совершенно ясно, что значит для нас эта Ваша работа"¹.

Сегодня "коллекционерство" Вавилова – не причуда исследователя-энтузиаста, а вполне материальная основа самого богатого в мире собрания образцов растений, первостепенное значение которого общепризнанно. Выражаясь словами норвежского исследователя профессора Н. Ролл-Хансена, "мировая коллекция культурных растений во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) в Ленинграде стала первым в мире важным банком генов"².

Вернадский раньше других понял и оценил значение работ Вавилова, но у него, так же как и у Вавилова, было преимущество перед остальными – преимущество мыслителя. Наделенный сполна счастливой для ученого чертой – всесторонней любознательностью, Вернадский интересовался многим. Один из современников – А.М. Фокин – вспоминал: "Я всегда поражался живости его интереса ко всем отраслям знания... С Д.С. Рождественским он говорил о только что начинавшей развиваться физике ядра, с Н.Я. Марром – об иафетической теории, с И.М. Гревсом – о проблемах медиевистики, с Д.Д. Плетневым – о научных основах кардиологии, с Н.И. Вавиловым – об окраске растений и о сортах пшеницы..."³

Не только творческая ненасытность (макрокосм идей Вернадского и "вселенский" азарт Вавилова) роднила этих двух ученых, которые не были похожи ни по складу ума, ни по темпераменту, ни по манере научного творчества; их сближал тот не часто встречающийся даже в большой науке масштаб, который как бы стирает грань между чертами характера человека, его талантом, трудолюбием, гражданской и просто жизненной позицией и уводит в ту область цельного восприятия личности, где слово "гений" уже не кажется заведомо гиперболой.

Личное знакомство Вернадского и Вавилова началось еще во времена студенчества Вавилова, когда профессор Московского сельскохозяйственного института Я.В. Самойлов – один из самых талантливых и любимых учеников Вернадского – обратил его внимание на многообещающего питомца института (будущей Тимирязевки). О том, как складывались эти отношения в ту пору, мы знаем сегодня немного, но

достоверно то, что, по определению самого Вернадского, они были "самые хорошие"⁴. Нам известно, что Вавилов очень уважал своего старшего товарища в науке, а Вернадский с доброжелательностью и интересом следил за успехами младшего. Обычные для них беседы при встречах, естественно, не документировались. Но сохранилось все же несколько свидетельств, проливающих свет на это многолетнее, хотя и не рискнем назвать его близким, знакомство.

В личной библиотеке Вернадского, которая сейчас хранится в кабинете-музее ученого в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, имеются оттиски статей Вавилова из отечественных и зарубежных изданий, а также несколько его основополагающих книг, среди которых "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости", "Ботанико-географические основы селекции", "Ученые об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям". Характерно, что самая ранняя из работ Вавилова, хранящихся в библиотеке Вернадского, – "Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства", изданная в Саратове, представляет собой вступительную лекцию в курсе частного земледелия, прочитанную молодым преподавателем на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах в сентябре 1917 г. Эту лекцию Вавилов в письме своему учителю и предшественнику Р.Э. Регелю от 29 сентября 1917 г. назвал "credo агронома-ботаника"⁵, а оттиск своей программной статьи прислал Вернадскому с надписью: "Владимиру Ивановичу Вернадскому в знак искреннего уважения от автора".

Но не только уважение Вавилова к Вернадскому-ученому и не только личный интерес последнего к восходящей звезде отечественной сельскохозяйственной науки уже тогда стояли за этим знакомством. 10 июня 1917 г. Вернадский единогласно был избран председателем реорганизованного Временным правительством Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, а 18 июля утвержден в этой должности. Так, казалось, обозначились практические пути для реализации либеральных социально-экономических исканий Вернадского-политика. Решение аграрного вопроса в отсталой, опутанной крепостническими пережитками стране приобретало значение коренного переустройства в жизни общества, важного шага к экономическому и социальному обновлению.

Наука как инструмент преобразования общества не могла не импонировать Вернадскому в роли государственного деятеля, и он энергично приступил к исполнению новых обязанностей. В состав Сельскохозяйственного ученого комитета вошел весь цвет тогдашней сельскохозяйственной науки: К.А. Тимирязев, Д.Н. Прянишников, И.П. Бородин, Н.М. Тулайков, П.И. Броунов, Н.П. Чирвинский, И.А. Стебут и многие другие. Поэтому не случайно в списке кандидатов в состав Сельскохозяйственного ученого комитета, предложенном одной из инициативных групп, очень скоро мелькнула фамилия профессора Саратовского университета Вавилова⁶. Уже в ноябре 1917 г. Вавилов был избран в Отдел прикладной ботаники Ученого комитета, вскорости он организует Саратовское отделение Отдела и, забегая вперед, скажем, что в 1921 г.

Вавилов возглавит после смерти Регеля Отдел прикладной ботаники и селекции, который перерастет под его руководством в 1924 г. во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, а в 1930 г. – во всемирно известный ВИР; с 1923 по 1929 г. Вавилов будет также директором Государственного института опытной агрономии – учреждения, вобравшего в себя подразделения бывшего Сельскохозяйственного ученого комитета; а с 1929 г. – президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и признанным лидером агрономической науки в стране.

Пребывание Вернадского на посту председателя Сельскохозяйственного ученого комитета было недолгим. Последовавшая вскоре Октябрьская революция, отъезд в южные губернии страны, постепенный отход от какой бы то ни было политической деятельности привели Вернадского к сосредоточению на научных и научно-организационных проблемах, решению которых и посвятил себя ученый в годы советской власти. Но 3 апреля 1937 г., вспоминая об обстоятельствах знакомства с Е.Ф. Лискуном – крупным ученым в области животноводства, профессором Тимирязевской академии, Вернадский записал в своем дневнике и о впечатлениях лета 1917 г.: "Я с ним познакомился давно, когда после смерти Голицына согласился стать во главе научных учреждений Минист[ерства] землед[елия]. Тогда я осматривал все эти учреждения и познакомился с совсем новой для меня областью. Учился и чрезвычайно много вынес: Регель, Тартаковский, Арцыбашев, Тулайков, Ячевский. Ушел оттуда, когда изгнанся [как] тов[арищ] мин[истра] нар[одного] просв[ещения]. На мое место [пришел] В. Ковалевский.

Все сохранилось. А людей многих уже нет. Регель, Ячевский, думаю Тартаковский (?), Ковалевский умерли. Если бы царское правительство – в сущности царь и его жена – были умнее, было бы просв[ещение]. Это вполне было возможно". А далее, оценивая уже состояние сельскохозяйственных подразделений бывшего Ученого комитета, окрепших и расширившихся за годы советской власти до самостоятельных научно-исследовательских учреждений, Вернадский констатировал, что отрасль "в общем сохранилась и широко развилась (Вавилов)"⁷.

Деловые и личные отношения со многими деятелями сельскохозяйственной науки сохранились у Вернадского на всю жизнь. На страницах дневников и писем часто можно встретить фамилии Д.Н. Прянишникова, Е.Ф. Лискуна, А.П. Левицкого, Д.Д. Арцыбашева, И.В. Якушкина и многих других. "Через КЕПС эта связь с людьми сохранилась, – писал Вернадский, – и после моего отсутствия 1917–1921 гг. и 1922–1926 гг. она не прервалась"⁸.

Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) была организована в 1915 г. Академией наук при активном участии Вернадского, который возглавил ее работу со дня основания. Впоследствии КЕПС также стала одной из линий пересечения биографий двух ученых: Вавилов войдет в состав Ученого совета КЕПС, и в недрах комиссии зародится Бюро евгеники (затем Бюро генетики и Лаборатории генетики АН СССР), которое объединило вокруг себя еще немногочисленные силы русских генетиков школы Ю.А. Филипченко.

В мае 1922 г. Вернадский по приглашению университета Сорбонны выехал во Францию. С того момента начинается длительный и очень плодотворный период его жизни, который был связан с формированием ряда пионерских идей в науке. Биосфера – особое геологическое тело, сложившееся в результате единения Земли и Космоса, – по Вернадскому находится в тесной связи с живым веществом – совокупностью организмов, заселяющих и формирующих биосферу. Живое вещество активно регулирует геохимические миграции атомов, осуществляя эволюцию организмов, состояние живой и косной материи. Жизнь, в свете учения Вернадского, не случайное явление на земной поверхности, а фактор влияния на химические процессы земной коры. Эти, впервые высказанные им идеи, нашедшие быстрый отклик только в очень узком кругу специалистов, в действительности наметили перспективы дальнейшего развития многих отраслей биологических наук и наук о Земле. Но и они, в свою очередь, опирались на весь комплекс фундаментального синтетического знания частных научных дисциплин, попавших в фокус обобщений Вернадского. В одной из статей, составляющих цикл работ о живом веществе, Вернадский писал: "Биолога интересуют главным образом такие разности, происхождение которых связано с глубокими изменениями явлений наследственности, которые позволяют сейчас подходить к тем закономерностям, которые изучаются в новой науке – генетике. [...] Среди морфологических разностей для геохимика наибольшее значение имеют разновидности или правильные подвиды (иногда называемые географическими расами и т.п.). Это будут такие части линнеевского вида – подвиды, которые связаны с географическими ареалами и экологическими условиями местности, морфологически нередко резко различные"⁹. Не перекликаются ли мысли Вернадского с вавиловской трактовкой линнеевского вида как подвижной морфофизиологической системы, связанной в своем генезисе с определенной средой ареалом, – концепцией, проецирующей генетику на эколого-географические и морфологические представления?

Безусловно, Вернадскому были известны закон гомологических рядов в наследственной изменчивости и ботанико-географические исследования Вавилова, он знал и содержание жарких споров Вавилова и Филипченко в Бюро генетики КЕПС об эволюции низших категорий системы (вид, подвид), когда руководитель Бюро выступал с позиций макро-, а его оппонент – с позиций микросистематики. Имеется и прямое подтверждение тому, что работы Вавилова оказали некоторое влияние на ход раздумий Вернадского. Находясь в Париже, 9 июня 1924 г. он записал в одной из своих тетрадей: "Для анализа плазмы: сперматозоиды семени – чистые линии Н.И. Вавилова плазмovid[ных] миксомицетов. Какое отношение семян к плазме?"¹⁰

Пребывание Вернадского за рубежом, наложившее отпечаток на интеллектуальную жизнь Франции, продолжалось до марта 1926 г. На это время также приходится подъем его интереса к историко-философской проблематике, к осмыслению кардинальных общественно-политических перемен на родине. "Расцвет русской творческой оригинальной и самостоятельной мысли, – писал Вернадский в этот период, – будут

историки связывать с революцией. Геология – Карпинский, физика – Иоффе и Лазарев, биология – Бах, Кольцов, Павлов... агрономия – Прянишников, Вавилов..."¹¹ Даже в этой записи Вернадского заключено некое сакраментальное совпадение. Излюбленная самоаттестация энциклопедически образованного ученого Вавилова: "Я – агроном".

О личных контактах ученых в 1926–1927 гг. свидетельствуют три письма Вавилова, сохранившиеся в архиве Вернадского*. Они приходятся на время активных путешествий Вавилова, осваивавшего растительные ресурсы Средиземноморского побережья (Марокко, Алжир, Тунис, Крит, Кипр, Греция, Сирия, Палестина, Трансиордания, Италия, Испания, Португалия), и адресованы Вернадскому уже на родину, куда он вернулся в 1926 г. после четырехлетнего отсутствия.

Первое письмо написано 7 марта 1926 г. и содержит просьбу к Вернадскому оказать, если это возможно, содействие в получении виз во французские колонии – регион, исследование которого казалось Вавилону крайне важным для понимания философии видообразования, географии происхождения и последующего распространения культурных видов растений и их диких сородичей. Содействие Вернадского было незамедлительным и результативным, и 26 июля 1926 г. Вавилов сообщил ему: "Глубокоуважаемый Владимир Иванович! Визы во французские колонии, за исключением Сомали, благодаря Lacroix** и здешних селекционеров я получил. Уже закончил с Марокко и теперь направляюсь в горы Кабилии, в оазисы Сахары. У Высокого Атласа нашел совершенно новые твердые пшеницы, для нас очень нужные. Для философии тоже идут факты. Вам большое спасибо за письмо. Ваш Н. Вавилов"¹².

Растениеводческое изучение Средиземноморского бассейна было для Вавилова необходимым звеном в цепи фактов, подтверждающих общую, уже выкристаллизовавшуюся, продуманную и частично предугаданную картину мировых центров происхождения культурных растений. Эти идеи Вавилова впоследствии были освоены Вернадским, подтверждение чему можно найти на страницах его работы по философии науки "Научная мысль как планетное явление" (1938). В январе же 1927 г. Вавилов информировал Вернадского о ходе своих исследований: "Собрал большой материал. Временами превращаюсь в упаковщика бесчисленных посылок семян, колосьев, книг. Продифференцировал Средиземноморский центр. Помощник мой Жуковский*** усвоил за это время Малую Азию.

* Опубликовано И.И. Мочаловым в журнале "Генетика" (1966. № 8). Здесь важно упомянуть об этой публикации потому, что ее автор впервые обратил внимание на известную общность научных интересов двух выдающихся естествоиспытателей XX в. – Вернадского и Вавилова.

** Лакруа (Lacroix) Альфред Франсуа Антуан (1863–1948) – французский минералог и петрограф, член Французской АН (1904), профессор Национального музея естественной истории, почетный член АН СССР (1924).

*** Жуковский Петр Михайлович (1888–1975) – ботаник, академик ВАСХНИЛ (1935), первый лауреат премии им. Н.И. Вавилова (1967). С 1920 г. директор Тифлисского ботанического сада, с 1925 г. ученый специалист Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. В 1951–1960 гг. директор Всесоюзного института растениеводства.

Испанию я еще посмотрю. (Испанские ботаники составили коллективное письмо министру иностранных дел и добыли мне визу.)

И таким образом приближаемся к философии всего Средиземноморского центра.

Понял правильности в географическом распределении форм в пределах видов: убывание доминантов к периферии от центра. Это объясняет многое, даже для человека.

Но для окончательной проверки и еще сбора миллиона фактов нужно повидать горные С[еверо]-В[осточные] Африканские центры"¹³.

Характерно, что сохранившиеся письма приходятся на время подведения некоторых итогов в творчестве обоих ученых. 1926 г. был знаменателен выходом в свет двух основополагающих трудов, двух фундаментальных концепций, на осмысление которых современникам потребовались годы: Вернадский опубликовал на русском языке "Биосферу", Вавилов – "Центры происхождения культурных растений".

В конце жизни Вернадский назовет Вавилова крупнейшим организатором науки и выдающимся деятелем большой отрасли управления сельским хозяйством страны, но уже с 1928 г. Вернадский прибегал к практическим советам руководителя многих учреждений и знатока административных рычагов.

1929 год был зенитом научной славы Вавилова, но и завершающим этапом его административного и личного благополучия. Полный творческих сил, научных замыслов и энергии, он пребывал на рубеже двух половин своей жизни, содержанием второй из которых станет борьба.

Выступая на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде в январе 1929 г., первом крупном собрании советских генетиков и селекционеров после Саратовского съезда 1920 г., на котором биологи приветствовали своего Менделеева, Вавилов подчеркнул, что в успехе семеноводства в СССР, который уже выражается в сотнях миллионов пудов улучшенных семян, огромную роль сыграло классическое учение датского генетика Вильгельма Иогансена о чистых линиях, чрезвычайно упростившее практическую селекцию. Для дальнейшего серьезного и массового перехода к селекционной работе на новых принципах нужны новые, подготовленные кадры. На съезде была принята специальная докладная записка правительству о нуждах сельскохозяйственного опытного дела в СССР, где доводилась до сведения просьба съезда о включении в учебные программы профильных вузов спецкурса генетики и селекции с учреждением в них соответствующих кафедр.

В январе же, но уже в Москве, Вавилов выступил на Всесоюзном агрономическом съезде с докладом, где поставил задачу создания координирующего центра в стране для исследования аграрных проблем в лице Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. Мысля широко и государственно, он был на правильном пути необходимых реформ реконструкции и обновления сельскохозяйственной науки и практики.

Интересно, что в этом перенасыщенном событиями, докладами и ответственными заданиями месяце Вавилов дважды виделся с Вернад-

ским. Первая встреча была намечена на вторник 22 января¹⁴, но, по-видимому, не состоялась, так как против фамилии Вавилова на листке, где Вернадский записывал предстоящие дела и визиты, не стоит крестик, обозначающий в этих случаях, что намеченное выполнено или нужный разговор состоялся. Встреча была перенесена на четверг 24 января¹⁵ и тоже, по всей вероятности, не произошла в назначенное время. А вот в пятницу 25 января против фамилии Вавилова стоит крестик и сделана приписка: "Особняки. Детское Село. Почв[енное] расте[ниеводство]"¹⁶. Трудно сегодня с определенностью сказать, касался ли разговор организационных вопросов или проблем расширения площадей под какие-то исследования, шла ли речь о предстоящей реорганизации КЕПС и возможностях размещения ее подразделения в Детском Селе или о материально-технической базе для личных общебиологических и биогеохимических работ Вернадского. Ясно одно – личные контакты Вернадского и Вавилова не были редкими.

Сохранившиеся листки еженедельника Вернадского зафиксировали и дату другой встречи – 31 января 1929 г.¹⁷ Выступая на агрономическом съезде с конструктивным планом строительства ВАСХНИЛ, Вавилов подчеркнул преемственность будущих институтов академии и бывших лабораторий, основанных еще при Сельскохозяйственном ученом комитете Министерства земледелия до революции. Не будет ошибкой предположить, что, о чем бы ни шла речь во время январских встреч Вернадского и Вавилова, разговор обязательно касался перспектив развития сельскохозяйственной науки в стране, путей слияния практической агрономии с достижениями научной мысли. Бывшему председателю Сельскохозяйственного ученого комитета и будущему президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, естественно, было что обсудить.

В январе 1929 г. Вавилов был избран действительным членом Академии наук СССР, а с середины года приступил к руководству ВАСХНИЛ.

Начало 30-х годов – время путешествий и реализации далеко идущих планов Вавилова. Только в августе 1930 г. он стал участником четырех представительных международных ученых собраний: IX Международного конгресса по садоводству в Лондоне, V Международного ботанического конгресса в Кембридже, Международной конференции экономистов сельского хозяйства в Итаке (США), Панамериканского конгресса работников сельского хозяйства Северной и Южной Америки в Вашингтоне. Сразу же после завершения четвертого по счету международного форума Вавилов приступил к осуществлению давно задуманной экспедиции по южным штатам Америки, Мексике, Гватемале и Гондурасу. В июне–июле 1931 г. Вавилов – участник II Международного конгресса по истории науки и техники в Англии; в сентябре – читает лекции в Дании и Швеции; с августа 1932 по февраль 1933 г. – VI Международный генетический конгресс в Итаке, на котором Вавилов в единственном числе представляет уже заметные миру успехи генетики в СССР, а также Франция, Германия, США, Канада, Мексика, страны Южной Америки.

Масштаб дел, замыслов и личности этого неутомимого исследователя

обнаруживал в Вавилове гражданина мира – человека, для которого как бы не существовало государственных границ, политических систем и языковых барьеров, а была в центре внимания общая идея – концепция распространения растительных ресурсов на поверхности общей для всех планеты. Однако февралем 1933 г. заканчиваются его многолетние сборы образцов культурных растений на пяти континентах Земли. Больше за рубеж Вавилова не выпускали.

Что же, дома его ждали не менее великие дела. В письме заведующему отделом генетики ВИРа Г.Д. Карпеченко в начале 1930 г. Вавилов писал: "По подсчету минимальному имею 18 должностей"¹⁸. К ним скоро добавятся руководство Лабораторией генетики АН СССР, президентство в Географическом обществе, председательство в Комиссии по изучению эволюции домашних животных и т.д. и т.п.

24 июня 1930 г. Вавилов подал наркому земледелия Я.А. Яковлеву записку под названием "Некоторые соображения о ближайшем будущем развития сельского хозяйства в СССР", где на фоне основных государственных мероприятий в деревне – коллективизации и механизации сельского хозяйства – с присущим ему размахом нарисовал картину будущего освоения пространств Сибири, Дальнего Востока и Казахстана для расширения посевных площадей и решения зерновой проблемы в короткое время, продвижения земледелия к северу одновременно с промышленным освоением удобрительных туков, использования водных ресурсов Средней Азии для расширения хлопковых посевов, районирования сортов с учетом внутрисоюзных и экспортных потребностей в сельскохозяйственных культурах. «Сам хозяйствующий человек, – писал Вавилов наркому, – является важнейшим фактором вершения ближайших судеб земледелия. Объединенному в коллективы хозяйственному человеку открывается почти беспредельный простор в смысле продвижения его инициативы, предприимчивости, "жадности к земле"»¹⁹.

Надо сказать, что вопрос будущего деревни волновал в то время не только специалистов, близких к сельскому хозяйству по должности, он стоял в центре внимания думающих интеллигентов, рассматривался одним из путей быстрого выхода из экономической и культурной отсталости. В 1937 г., т.е. в год завершения коллективизации, Вернадский, например, писал: "Разговоры с Л[искуном] о колхозах идут у нас давно, каждый год. Все его предсказания усилены жизнью. Он всегда говорил, что если крестьяне примут колхозы – может быть огромное дело"²⁰. В 1937 г., итоговом году, объединение в колхозы охватило 93% крестьян

Н.И. Вавилов, начало 30-х годов

янских хозяйств²¹, но между 1930 и 1937 гг. лежали годы, получившие название второго этапа коллективизации, – с раскулачиванием, голодом, разорением и унижением деревни.

Вавилова часто упрекают в том, что, планируя научно-производственные работы в области растениеводства на 1932–1937 гг., он якобы допустил серьезные просчеты, которые пагубно сказались не только на престиже сельскохозяйственных наук, но и на судьбе генетики. Но ведь еще в записке Яковлеву он предостерегал: "Чтобы планировать, нужно знать, и знать очень многое. Планировать в нашей стране особенно трудно, ибо для этого нужно обладать поистине огромными знаниями – знаниями и дифференцированными, конкретными в применении к отдельным районам, областям, и в то же время знаниями синтетическими, в масштабе всей обширной страны. [...] Отсюда совершенно исключительное значение приобретает в ближайшее время организация широкой исследовательской работы в области сельского хозяйства, создание таких условий, чтобы наука могла не только следить за жизнью, но и идти впереди нее. С этим связан вопрос о кадрах..."²²

До Всесоюзной конференции по планированию селекционно-генетических работ, которая состоялась 25–29 июня 1932 г., научные основы планирования уже были подорваны: разгромлена школа агрономической экономики А.В. Чаянова, объявлена буржуазной, псевдонаучной социология, конъюнктурно послушной стала официальная статистика. Довольно остро стоял вопрос о кадрах: Вавилов неоднократно подчеркивал трудности роста необходимых сельскому хозяйству исследователей, потребность в организации уже имеющихся кадров в работоспособные творческие коллективы, очевидность разрыва в уровне знаний ученых и выдвиженцев-практиков, претендующих на эту роль. На конференции, ставя перед генетиками и селекционерами задачи изучения наследственности таких качеств растения, как засухоустойчивость, холодостойкость, иммунитет к различным заболеваниям, и другие актуальные вопросы сельскохозяйственной науки в свете возможностей, которые привносит в них генетика, Вавилов ориентировался на будущее и, конечно, не планировал перегибов и деформаций авторитарного государства, где ложно понятые идеологические соображения будут поставлены их адептами выше интересов общества или научной истины.

В одном из дневников Вернадского – наблюдательного и глубоко мыслящего современника – есть запись: "Мне кажется, с 1930 г. в партийной среде впервые осознали силу Сталина – он становится диктатором"²³. На этом фоне быстро создаются предпосылки тех негативных процессов в области культуры, науки и социально-гуманитарной сферы, которые специалистами квалифицируются как деструктивные²⁴, т.е. ломающие устойчивые связи многих составляющих надстройки общества. Таким образом, с начала 30-х годов нарушалась гармония обществоведения и естествознания, от возможных последствий чего предостерегал Вернадский-философ еще в начале века: "Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области

ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке"²⁵.

В силу именно этих причин в момент, когда Т.Д. Лысенко еще не сорвал первых аплодисментов за яровизацию, когда его будущий идеолог и "дарвинист" на все руки И.И. Презент только пробовал голос в биологических диспутах, новый председатель Общества биологов-марксистов Коммунистической академии Б.П. Токин уже во всеуслышание произнес: «Что характерно для старого общества? [еще до переименования – Общества биологов-материалистов. – Г.С.] Прежде всего отрыв теории от практики, полная оторванность общества от основных организаций и учреждений, занятых социалистическим строительством в областях, где методологические вопросы биологии играют громадную роль (Академия сельскохозяйственных наук им. Ленина, другие наркомземовские учреждения, биологические и сельскохозяйственные вузы и т.д.). Укажем в качестве примера на то, что до сих пор мы имели "святое" невмешательство в основные методологические установки Вавилова»²⁶. Этот боевой клич был брошен на Общем собрании Общества биологов-марксистов Коммунистической академии, которое заседало обстоятельно – с 14 по 24 марта 1931 г. Тактика "святого" невмешательства была признана недопустимой и заменена на стратегию активного вторжения в работу ВАСХНИЛ и Всесоюзного института растениеводства, руководимого Вавиловым, в первую очередь.

Ознакомившись с сборником материалов Общего собрания Общества биологов-марксистов, которые вскоре были опубликованы, Вернадский записал в дневнике 28 февраля 1932 г.: «Пробовал читать – но в конце концов внимательно просмотрел "Против механ[истического] материализма и меньшев[истствующего] идеализма в биологии" 1931 [г.]. Читать нельзя: болезненное, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения. [...] Убогие люди и полное отсутствие понимания научной работы. Кто такой Токин? [...] Интересно, выйдет ли из них кто в конце концов настоящим исследователем? Часть их, наверное, зеленая молодежь»²⁷.

В биологии конца 20-х – начала 30-х годов происходили общие для многих сфер культурной жизни процессы: так же, как на физику, математику, медицинские науки (не говоря уже о комплексе гуманитарных дисциплин), на нее наступал "диалектический" метод в крайне упрощенном понимании вульгаризованного марксизма сталинской поры. Идеологические штампы, лозунги текущего момента, цитаты из сочинений классиков марксизма и канонизированных источников звучали грозными обличениями и легко трансформировались в политические обвинения и ярлыки оппортунизма.

Спустя почти десятилетие, анализируя причины многих негативных явлений в жизни советского общества, Вернадский отметил: "Крупные неудачи нашей власти – результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов – и морально, и интеллектуально – ниже среднего уровня беспартийных. [...] Цвет нации заслонен дельцами и лакеями-

карьеристами"²⁸, а в конце 30-х годов, глядя на углубившийся и затяжной характер биологических баталий, Вернадский акцентировал внимание на политическом перерождении научных споров: "Удивительно, что ламаркизм или дарвинизм может явиться мерилем политич[еской] благонадежности"²⁹.

Проблема кадров стояла очень остро и решалась крайне трудно на всех структурных уровнях научной иерархии. Количественный и, главное, качественный рост специалистов сдерживался жесткими ограничениями по принципу социального происхождения, принадлежности к партии большевиков или комсомолу, а для партийцев – необходимостью придерживаться санкционированных догм в науке. "Положение партийных сейчас трудное, – замечал и сам Вернадский. – Им не дают работать. Научный подрост их весь в общем ниже. Насколько наблюдаю, очень редко встречаю настоящих ученых"³⁰. В генетике в качестве такого исследователя Вернадский выделял А.С. Серебровского – ученого, идейно близкого к марксизму, которому приходилось сочетать выдающиеся достижения в науке с фарсом публичных покаяний в идеологических "ошибках".

Принцип Вавилова состоял в том, что "в научной среде руководители должны быть прежде всего компетентны в той области, которой они руководят"³¹. Он отстаивал этот принцип вопреки постоянным вторжениям в административную деятельность президента ВАСХНИЛ, вопреки давлению на кадровую и плановую политику развития сельскохозяйственных наук в стране. Находясь во главе Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и одного из ее головных институтов, став с 1930 г. руководителем Лаборатории генетики АН СССР, Вавилов оказался под двойным огнем: критиканская кампания в биологии и генетике, с одной стороны, сочеталась с претензиями недостаточной отдачи сельскохозяйственных наук практике земледелия и животноводства – с другой. На фоне тревожных социально-политических процессов, развернувшихся в обществе, Вавилов занял рискованно твердую гражданскую позицию в науке, возглавив ученых-биологов в борьбе с откровенной демагогией, прикрытой фразеологией диалектического материализма, за объективность данных эксперимента и аргументацию научных выводов. Отстаивать научную этику в годы тоталитаризма можно было не только тратами драгоценного времени и здоровья, но и ценою жизни. Принципиальную точку зрения Вавилова Вернадский понимал и глубоко ей сочувствовал.

Однако меньше всего хотелось бы идеализировать отношения двух современников, рисовать их без тени сомнения розовым цветом. Это было неверно уже потому, что научные и прочие симпатии между учеными их роста, наверное, должны были иметь в себе и выраженное критическое начало, без чего не было бы споров – источника рождения научной истины. Во всяком случае среди записей Вернадского о Вавилове, которыми мы сегодня располагаем, есть и сердитая, сделанная в дневнике 29 февраля 1932 г.: "Акад[емическое] заседание. Доклад Вавилова интересный; режет ухо его подлаживание под мат[ериализм]

диал[ектический] – количество переходит в качество и т.д. Это ясно не связано со всей работой. Производит трагикомич[еское] впечат[ение]: человек достиг результатов и затем их искажает, приноравливаясь к моде"³². Не устраивала Вернадского в этом докладе также неясная грань между результатами вавиловских исследований и выводами, ранее сделанными Филипченко, между которыми существовали принципиальные расхождения в вопросах эволюции видов.

Вавилов, конечно, мог бы поспорить с Вернадским, так же как он спорил в свое время с Филипченко, критикуя его дуалистическую концепцию эволюции; он мог бы настаивать на том, что философские категории количества, качества и меры – необходимый научный инструментальный систематика при обработке миллионов фактов наследственной изменчивости на многих десятках и сотнях растительных объектов при попытке рассматривать процесс в его единстве с учетом всего многообразия, мог бы, но таких сведений, к сожалению, не сохранилось. С полной достоверностью можно сказать только то, что доклад Вавилова назывался "Изменчивость и наследственность количественных признаков"³³, и то, что он никогда не публиковался, лишая нас тем самым возможности судить о справедливости или преувеличенной строгости упреков Вернадского. Сам Вавилов, как следует из его корреспонденции, провел большую подготовительную работу к докладу, обобщив сводки, составленные сотрудниками ВИРа, и не испытывал чувства досады от неудачного выступления. 10 марта 1932 г. он написал Н.В. Ковалеву – своему заместителю по руководству ВИРОм – в Берлин, где тот находился в научной командировке: "Сделал здесь большой доклад о качестве и количестве в биологии на пленарном заседании в Академии наук, в котором подытожил все данные по изменчивости растений. Закон перехода количества в качество проработал на растительных объектах. Народ принял этот доклад хорошо"³⁴.

Акцент неодобрительной оценки Вернадского попыткам Вавилова оперировать законом перехода количества в качество, скорее, следует перенести на "моду" в образе искаженного диалектического материализма, которая уже превратилась в тяжелую болезнь общества, стала нормой и обязательным элементом критики там, где до сих пор обходились без волевого вмешательства философии. Нарастание этого процесса и грубое вторжение его в научную сферу на ранних стадиях заметили и Вернадский, и Вавилов. 7 октября 1931 г. Вавилов написал друзьям за рубеж: "Эта (прошлая ныне) весна была *не очень легка для специалистов в СССР* (здесь и далее в цитируемом тексте выделения авторские. – Г.С.). Волна недоверия в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще к интеллигенции. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но *немало людей пострадало зря*"³⁵.

15 марта 1932 г. Вернадский записал в дневнике: "Сейчас идет генет[ическая] всесоюзная конф[еренция] – как все вся в скандалах. Via

victis* : рознь старых и молодых. Из Москвы все коммунисты – из них серьезный генетик только Серебровский. Борьба против Вавилова. Рассказывали о прошлой конф[еренции] зоологов. Там обвинили Книповича** во вредительстве, т.к. он указал на вред для рыбного дела отвода Волги от Каспия. Р[имский]-К[орсаков]*** ушел из заседания, когда установили, что наука должна быть партийная. [...] Люди и измучились, и отчаялись"³⁶.

Но, несмотря на все трудности и досадные помехи, наука – главное дело жизни Вернадского и Вавилова – не стояла на месте. Примерно начиная с 1932 г. основной темой творческих поисков Вернадского становится подготовка обширной, во многом итоговой монографии, которую он сам со второй половины 30-х годов коротко называл "Книгой жизни". "Биогеохимическая энергия в земной коре" – труд, потребовавший от Вернадского синтетического обобщения своих идей в области биогеохимии, учения о живом веществе и биосфере, расширения опытов над растительными объектами, что в конечном итоге обнаружило связь представлений ученого о мироздании на атомном уровне с возникновением и развитием земной коры планеты, а также связь Земли с далеким Космосом. Земная кора не является, по Вернадскому, застывшей каменной массой, а представляется сложным организмом, где постоянно движутся атомы и молекулы в круговороте процессов, определяемых живым веществом. Одним из выражений геологической активности живого Вернадский считал скорость размножения; им же был введен в науку количественный учет живого вещества биосферы, привнесены в биологию число и мера.

25 марта 1933 г. Вернадский написал Вавилону письмо, черновик которого сохранился в его архиве: "Глубокоуважаемый Николай Иванович, я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в поставленной мною задаче количественного изучения жизни в геохимическом аспекте, т.к. я убежден, что поднятые мною научные проблемы имеют большой практический интерес, т.к. позволяют по-новому – количественно – подходить к вопросам плодородия и связанным с ними вопросам удобрений.

Конечно, эти вопросы из моей работы должны быть проверены и об организации такой проверки, о помощи в этом моей Лаборатории я и прошу Вас. [...]

Одновременно с постановкой этой работы я хотел бы получить возможность определить химический состав чистых линий одного и того же растения, например пшеницы. При определении этого состава необходимо будет для одного и того же растения (чистой линии)

* Горе побежденным (*лат.*).

** Книпович Николай Михайлович (1862–1939) – зоолог, почетный член АН СССР (с 1935). Организатор и руководитель ряда научно-промышленных экспедиций с 1898 по 1932 г.

В 1907 г. В.И. Ленин и Н.К. Крупская жили в семье Книповичей в Финляндии.

*** Римский-Корсаков Михаил Николаевич (1873–1951) – зоолог и энтомолог. В 30-е годы был сотрудником Лесотехнической академии и консультантом Ленинградского лесопромышленного научно-исследовательского института.

произвести количественный химический анализ (на больше чем 20 элементов) в разные стадии жизни организма. Таких данных нет, и я думаю, что получение таких данных должно быть важно и для агронома.

Наша лаборатория сейчас – окончив выработку методов – может произвести эту работу.

Ваш В. Вернадский³⁷.

К письму приложена пояснительная записка, уточнявшая особенности предстоящих опытов, а на самом черновике письма пометка Вернадского: "Разговор с Вавиловым".

Вернадский – ученый необыкновенно сдержанный в исследовательских самооценках – считал введение в биологию числа и меры одним из крупнейших своих научных достижений. Исследования в этом направлении были разработаны в БИОГЕЛ методически в 1932 г., а практическая их реализация началась с 1933 г. при поддержке президента ВАСХНИЛ Вавилова.

30 марта 1932 г. после заседания в Академии наук Вернадский имел разговор с Вавиловым, содержание которого коротко передал в дневнике так: "С Вавиловым об организации с осени изучения геохим[ической] энергии и чистых линий. По-видимому, возможно – через Наркомзем"³⁸. Однако приступить к работе над растительными объектами тогда же Вернадскому не удалось: с мая по август он пробыл в Германии, в сентябре находился в Париже, до начала ноября – в Праге. И только спустя год он обратился к наркому земледелия Яковлеву с просьбой об оказании материальной помощи своей лаборатории для развертывания нового направления работы. "Многоуважаемый Яков Аркадьевич! – писал Яковлеву Вернадский. – Я уже много лет занимаюсь вопросами, связанными с жизнью в ее геохимическом аспекте.

В этом аспекте могут, как мне кажется, охватываться и вопросы земледелия. Человек изменяет земледелием не случайную и безразличную земную поверхность, а определенную закономерно появившуюся в жизни организмов оболочку – биосферу. Это может и должно учитываться во всех больших земледельческих проблемах. С биосферой числом и мерой неразрывно связаны организмы, изучаемые в земледелии.

В настоящее время мне удалось в Академии наук наладить химическую работу по изучению живых организмов и ее методику так, что я могу перейти к изучению культурных растений и направить для этой цели часть работы моей лаборатории (Биогеохимическая лаборатория Академии наук). Мне кажется, что такое изучение культурных растений – биогеохимическое – может иметь серьезное прикладное значение и помочь выяснить некоторые из важных проблем плодородия и удобрения. Но прежде чем поднимать их, необходимо сделать предварительные анализы в малом масштабе.

С этой целью я обратился в Академию наук по линии сумм Наркомзема для оплаты труда добавочных сотрудников, которых надо иметь для того, чтобы не прерывать текущую работу Лаборатории.

Я сговорился с Н.И. Вавиловым, который дает мне возможность получать (посевы) нужный материал..."³⁹

Необходимые БИОГЕЛ средства были отпущены, а направление, которое придал исследованиям Вернадский, оказалось, как показало время, весьма перспективным⁴⁰.

В знак благодарности за оказанную поддержку в работе Вернадский в 1934 г., после выхода в свет "Очерков геохимии" [4-е изд. (2-е рус.)], подарил книгу Вавилову с надписью: "Николаю Ивановичу Вавилову с глубоким уважением автор"*.

Интересно заметить, что удельный вес записей, посвященных биологии, в дневниках, черновиках и заметках Вернадского, сделанных для себя, в 30-е годы заметно возрастает. С одной стороны, это легко объяснить тем, что на данные годы приходится продолжение работы ученого над идеями живого вещества, биосферы, оформление – главных выводов его учения о взаимодействии био- и ноосферы, что неизбежно привлекало внимание Вернадского к научной дисциплине, уже в то время подавшей заявку на лидерство в современном естествознании. Но, с другой стороны, это было обусловлено и тем ненормальным положением, сложившимся в биологической науке благодаря грубому вмешательству как в область управления наукой, так и в сферу непосредственно научного творчества уже устоявшихся догматических доктрин, что, конечно же, не могло оставить равнодушным Вернадского-ученого.

Исследователям творчества и биографии Вавилова, наверно, будет интересно знать, что тревожные симптомы "падения значения Н.И. Вавилова"⁴¹ Вернадский отмечал еще в 1934 г., т.е. сравнительно задолго до первой генетической дискуссии, состоявшейся в декабре 1936 г., до II Всесоюзного съезда колхозников-ударников в феврале 1935 г., на котором зловеще прозвучала реплика Сталина: "Браво, товарищ Лысенко, браво", и даже до убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., обернувшегося страшными репрессиями среди интеллигенции. Дневниковая запись датирована 26 ноября 1934 г.

Если обратиться к биографии Вавилова и к оценке явлений, происходивших в сельском хозяйстве страны, то придется констатировать, что основания говорить о "падении значения Н.И. Вавилова" были. Начавшиеся с 1931 г. публичные нападки на Вавилова приобрели к концу 1934 г. серьезный оборот: социально-политическая волна третьего десятилетия века выбросила на поверхность "босоногого профессора" Лысенко, печальная слава которого не закончилась и по сей день. Вернадский, на протяжении ряда лет присматривавшийся к творцу новой "агробиологии", 20 января 1941 г. сделал запись: «Я думаю, это тип властного Базарова – настоящего "большевика" – узкого и не умеющего самооценивать»⁴². Однако в 30-е годы все (в том числе и Вернадский) с интересом следили за теориями и поступками агронома-авантюриста, отмечая, что он все более становится важной фигурой в результате политических рокировок Сталина. Речь о Лысенко еще впереди, здесь же отметим, что отныне все важные решения в области земледелия,

* В настоящее время книга хранится у сына Вавилова – Ю.Н. Вавилова.

животноводства, сельскохозяйственной науки принимались с учетом его мнения или под его влиянием.

16 июля 1934 г. было принято три постановления СНК СССР, касавшихся деятельности ВАСХНИЛ⁴³, подвергших жесткой критике работу академии, что не могло не касаться лично ее президента. Вавилов, как никто другой, понимал несовершенство организации и руководства ВАСХНИЛ как в работе аппарата академии, так и в деятельности громоздкой и разветвленной системы ее учреждений; он сам выступал инициатором и активным борцом за нормализацию работы ВАСХНИЛ, за реорганизацию и гибкость академии в решении текущих проблем, за рост квалификации сельскохозяйственных работников-администраторов, неоднократно обращаясь в вышестоящие инстанции (в первую очередь в Наркомзем) с идеей перестройки и устранения аномалий.

Однако уже при выработке проекта главного из трех постановлений "О работе Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина" науке были предъявлены необоснованно завышенные требования, особенно если учесть, что она развивалась на фоне "сплошной коллективизации" и последствий организованного голода в ряде хлебных губерний страны. В телеграмме на имя наркома земледелия СССР М.А. Чернова от 10 мая 1934 г. Вавилов протестовал: "За три года советской агрономической наукой сделаны крупнейшие мирового значения достижения по практическим вопросам селекции управления растениями, племенному животноводству, агропочвоведению, давшим новую основу государственным мероприятиям. Этого нельзя не указать в постановлении. Нельзя ответственность за производство, оперативную работу по семеноводству, животноводству возлагать на научную систему"⁴⁴. Вавилов продолжал бороться против перевода сельскохозяйственной науки на положение оперативного придатка наркоматов в условиях, когда подобные заявления едва ли могли быть правильно поняты и объективно восприняты. Положение усугублялось административными притеснениями руководства ВИРа, а также ростом недовольных в связи с проведением в жизнь постановлений СНК СССР от 13 января 1934 г. "О подготовке научных и научно-педагогических кадров" и "Об ученых степенях и званиях"⁴⁵, которые закрепили за ВАСХНИЛ право предъявлять достаточно высокие требования к диссертациям и уровню знаний специалистов сельского хозяйства, за что всегда болел душой Вавилов

Трудный период жизни Вавилова – организатора науки тем не менее был очень плодотворным для Вавилова-ученого, так как право администратора на свободу научного творчества Вавилов всегда считал гарантией успеха в работе всего коллектива. "Трагедия многих учреждений заключается в том, – писал он еще в 1929 г., – что руководящий персонал, погруженный в административную текущую работу, не в состоянии быть на достаточной высоте в смысле научной ориентировки и тем самым понижается уровень работы всего коллектива"⁴⁶. Ему самому эта опасность не грозила никогда и ни в одной из многочисленных должностей. Поэтому в разгар описываемых событий, летом 1934 г., он предпринимает трехмесячную поездку на автомобиле по всему Закавказью и

Северному Кавказу с целью изучения зерновых и субтропических культур данного региона и специального изучения эндемичных видов культурных растений и близких им диких сородичей. Результаты этих исследований Вавилов сообщил на Общем собрании декабрьской сессии Академии наук, прочитав доклад на тему "Закавказье как один из мировых очагов видообразования культурных растений". А 23 декабря 1934 г. в дневнике Вернадского появилась запись: "Вечером на Об[щем] собр[ании]. Прекрасный доклад Вавилова. Выбор видообразования – функция биосферы. В определенных местах? Связан с рад[иоактивными] излучениями, меняющими гены?"⁴⁷

Эта запись требует некоторого пояснения. Согласно теории Вавилова о центрах происхождения культурных растений, Кавказ с его культурной флорой примыкает к Передней Азии и принадлежит к Юго-Западноазиатскому центру. В то же время он является наиболее важным мировым очагом зарождения некоторых культурных растений. Суммарные данные Вавилова по семи важнейшим центрам (пять из которых он насчитывал в Старом Свете и два – в Новом) сводились к тому, что все они приходятся на горные районы с определенным климатом и температурно-влажностным режимом. Эти очаги видообразования населены эндемичной (т.е. свойственной только данной местности) культурной флорой. И хотя текст доклада Вавилова в Академии наук пока не найден, о его содержании можно судить по двум газетным статьям⁴⁸, в которых он рассказал об эндемичных видах пшеницы, ржи и плодовых, найденных во время экспедиции на Кавказ.

Те два вопроса, которые поставил себе Вернадский в связи с докладом Вавилова (в определенных местах ли происходит процесс видообразования и связан ли он с радиацией, влияющей на гены), похоже, опять опередили время. Мы не знаем, присутствовали ли эти догадки в докладе Вавилова, но совершенно очевидно, что его теоретические выводы и практические изыскания в который раз сомкнулись с научной интуицией Вернадского. Только в 1958–1965 гг. работы ученика Вавилова А.В. Гурского и московского физика Ю.Л. Соколова, проведенные на Памире, доказали, что в горных районах ультрафиолетовая часть солнечной радиации выступает в роли фактора видообразования. Перенесение горного феномена на равнинную поверхность даст возможность вывести полезных мутантов, получить новые сорта с широким спектром положительных свойств⁴⁹.

Но вернемся к будням Вавилова почти шестидесятилетней давности.

13 марта 1938 г. Вернадский пометил в дневнике: "Президентом Акад[емии] с[ельско]х[озия]ственных наук назначен Лысенко. Начинаются (продолжаются?) гонения на Н.И. Вавилова. Его не включили в семенную контрольную комиссию. Лыс[енко] – неуравновешенный человек. Но все же это ученый и интересный, по-моему"⁵⁰.

17 ноября того же года еще одна очень важная для нас запись: "Вечером был Н.И. Вавилов. Очень интересный разговор о положении науки. Волевая, невежественная, но талантливая фигура Лысенко (он сейчас очень влиятельный сановник – резко выступает как продолжатель дарвинско-мичуринской (sic!) научной методики) резко обрушивается на

генетику, основ которой не знает. И это в тот момент, когда человек этим путем овладевает экспериментальным созданием новых не только видов, но и родов. Н[иколай] И[ванович] ярко это чувствует. И я тоже. Открытие генов – великий взрыв в биологии"⁵¹.

Разобраться в истории выдвигания Лысенко, а главное – правильно понять и оценить роль Вавилова в сотворении биологического Франкенштейна непросто, хотя эта задача всегда привлекала внимание авторов, писавших о Вавилове. Например, академик Н.П. Дубинин, современник Вавилова, активный участник генетических дискуссий 30-х и 40-х годов, предлагает своим читателям разделить его точку зрения. Она такова: "Есть люди, которые до сих пор считают, что высокие оценки работ Т.Д. Лысенко, данные в свое время Н.И. Вавиловым, были будто бы вынужденными, неискренне им высказанными. Это мнение не имеет никаких оснований. Н.И. Вавилов писал о Т.Д. Лысенко именно то, что он о нем думал. ... Свобода его оценок в отношении Т.Д. Лысенко документально доказывается тем, что они изменились, как только он понял ошибки этого деятеля. К величайшей чести Н.И. Вавилова надо сказать, что он всегда сохранял свободу и правду в науке"⁵².

Другой современник Вавилова, академик А.Л. Тахтаджан настаивает на обратном: «Объяснение этого парадокса может быть только одно: для того чтобы оградить науку, обезопасить созданные им научно-исследовательские учреждения, Вавилов был вынужден идти на компромиссы с "боярским домом", как он выражался. Молодому читателю, живущему в эпоху начавшейся перестройки и широкой гласности, трудно это понять, – продолжает он свои рассуждения, – но нам, его современникам, жившим и работавшим в то время, понять поведение Вавилова было легче. ... Делая одну уступку за другой, он в конце концов сделал самую большую – способствовал быстрой карьере Лысенко. Фактически он сам, своими руками помог вырасти своему убийце»⁵³.

Сравнивая эти полярные мнения двух ученых-биологов, переживших трагические перипетии развития генетики, лично знавших Вавилова и долгие годы ощущавших на себе отголоски лысенковщины, приходится признать, что сегодня (а такие же мнения высказывались и почти 30 лет тому назад⁵⁴) ни одно из них до конца не убеждает. В первом случае можно возразить, что ошибки и научный авантюризм Лысенко Вавилов понял гораздо раньше 1939 г., однако именно в этом году он поддержал кандидатуру Лысенко при избрании его в действительные члены Академии наук СССР. Во втором случае хочется настаивать на том (теперь тому есть множество опубликованных и неопубликованных подтверждений), что компромисс не был для Вавилова формой существования даже тогда, когда "неприятность" угрожала учреждениям, во главе которых он стоял, что было для него страшнее перспективы лишиться личного покоя и благополучия. Вавилов жил по формуле крылатого выражения "и один в поле воин" до тех пор, пока это имело хоть какой-нибудь смысл. Лысенко как конкретную личность, ставшую социальным явлением, породило время. Вавилов – "продукт" того же самого времени, хотя и с противоположным нравственным знаком.

Попытки анализировать уже хорошо известный круг источников,

касающихся взаимоотношений Вавилова и Лысенко, на сегодняшний день малопродуктивны. Труднодоступность многих официальных и неофициальных документов, которые могли бы обнажить скрытые пружины продвижения Лысенко по лестнице карьеры, приводимые в действие не Вавиловым, а высокими покровителями агронома-"мичуринца", создает такой дефицит информации, компенсировать который можно только в большей степени логическими догадками и психологическими посылами, чем новыми фактами.

Не имея необходимых документальных преимуществ перед другими авторами, предложим читателю новый ракурс вавиловского противоречия – взглянем на Лысенко глазами Вернадского. Это, конечно, не ответ на вопрос, но хотя бы новый повод для размышлений.

Лысенко вошел в историю науки в первую очередь как палач молодой научной дисциплины, перспективность которой лучшие ученые страны понимали уже в 30-е годы. Для Вернадского генетика тоже не была *terra incognita*. Являясь автором генетической минералогии, учений о биосфере и живом веществе, он следил не только за внешней стороной споров и дискуссий, но и за содержанием самой генетики. Имеются сведения, что публикации научных трудов Ф.Г. Добжанского – одного из первых учеников Вернадского по биогеохимии, впоследствии выдающегося американского генетика, были известны Вернадскому так же, как и талантливые работы по генетике растений и животных профессора Филипченко – хорошего знакомого Вернадского со времени организации при КЕПС Бюро евгеники. КЕПС сблизил и связал Вернадского общими заботами с Н.К. Кольцовым, возглавлявшим одно время отдел генетики Московского отделения Комиссии по изучению естественных производительных сил России, – ученым, впервые высказавшим гипотезу о молекулярном строении и матричной репродукции хромосом. Вернадский имел беседы с Т.К. Лепиным – одним из старейших сотрудников Института генетики, заместителем Вавилова по руководству отделом культурных растений; он читал статьи и выступления Серебровского – одного из самых крупных специалистов в стране по генетике животных; он присутствовал на докладах академика Г.А. Надсона – исследователя, впервые получившего стойкие мутационные изменения у дрожжевых и плесневых грибов под действием радиации. Являясь на протяжении ряда лет руководителем Государственного радиевого института, Вернадский с профессиональным интересом следил за работами по мутациям, вызванным действием искусственной радиации, которыми занимался на дрозофиле будущий Нобелевский лауреат Г.Дж. Мёллер – американский генетик, приглашенный Вавиловым в 1933 г. на работу в Институт генетики АН СССР. До приезда Мёллера в Москву, а именно в 1930 г., Вернадский вел с ним переписку, а после его отъезда в 1937 г. принимал непосредственное участие в обсуждении постановки и результатов опытов его учеников – М.Л. Бельговского и А.А. Прокофьевой-Бельговской.

Научный феномен Вернадского позволял ему, получая информацию из первых рук, глубоко понимать содержание современной ему генетики. Но... Не новичок в науке о законах наследственности, тонкий психолог и проницательный человек, Вернадский в 1938 г. назовет Лысенко

"интересным ученым" и вслед за Вавиловым произнесет слово "талантливый".

Для понимания отношений Вавилова и Лысенко очень характерна его записка в президиум ВАСХНИЛ от 16 февраля 1934 г. по поводу выделения денежных средств на продолжение работ неких Петровых, которые занимались изучением влияния фаз Луны и магнетизма на повышение урожайности. Запросив мнение специалистов Академии наук СССР, Агрофизического института и Электробиологической лаборатории ВИРа и получив отовсюду отрицательные заключения о ценности для науки этих работ, Вавилов тем не менее пишет в президиум Сельхозакадемии: "Все же надо поддержать Петровых. Может быть, в их неправильно, по-нашему, организованных опытах есть верная интуиция. Поэтому я бы считал возможным выделить небольшое ассигнование по президиуму..."⁵⁵

Позиция доброжелательности и веры в неограниченные возможности человека, присущая лучшим представителям русской интеллигенции, была неотъемлемой чертой вавиловского характера, который великодушно предлагал свою помощь всем, в ком видел желание посвятить себя науке, исследовательским трудом проложить свою тропинку к общей для всех истине.

Революция, неустойчивость быта и экономические трудности первых десятилетий Советской власти компенсировались особым пафосом жизни, атмосферой приподнятости духа, в которых приход в науку людей недоучившихся, наивных в своих естественнонаучных представлениях, но талантливых и трудолюбивых стал нормой (с целым рядом положительных и отрицательных следствий из этого явления). Истинную ценность для науки многих из них определило лишь время.

Не только Вавилов, но и Вернадский в случае с Лысенко долго не допускали мысли о голом, беспринципном авантюризме, цинизме и полной аморальности его дел и поступков. Разновидность дельца в науке оказалась им незнакомой, и на постижение такой особи даже опытным исследователям потребовались годы.

В лучших традициях либеральной интеллигенции, руководствуясь своим кодексом чести, Вернадский искал и не находил рационального зерна в "самобытных" теориях Лысенко, пытался объяснить себе, что хотел и не сумел выразить словами их автор. Высказывания об "узком" и "неумеющем самооценивать" Лысенко-Базарове перемежаются с поисками "здоровых элементов" в нескончаемом потоке "больного" и "невежественного", что было выражением неистребимого желания Вернадского верить в лучшие стороны человеческой природы, даже если речь шла о людях чуждых ему и малопривлекательных.

В дневниках Вернадского записи о Лысенко появляются сравнительно часто с 1936 г., т.е. года "триумфального" шествия яровизации по стране и назначения его директором Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе. В конце января 1936 г. Вернадский встречался с А.П. Левицким – старым работником сельскохозяйственного опытного дела, который рассказал ему о своем первом знакомстве с Лысенко еще во времена будущего "новатора" в Гандже. Его впечатления о Лысенко – "человеке одаренном, но малообразованном", Вернадский записал в

дневнике, продолжив: "Его встретили вначале и такие агрономы, как Вавилов. Должны были изменить отношения и перед фактами, и реально"⁵⁶. Значит, о негативном отношении Вавилова к некоторым "новациям" Лысенко к началу 1936 г. было уже известно в сельскохозяйственной среде. Что же этому предшествовало?

Как известно, Лысенко начал карьеру с яровизации. В статье "Мой путь в науку" он самолично поведал, как выводы своих первых опытов он изложил на Всесоюзном съезде по генетике и селекции в 1929 г. (на котором, кстати сказать, Вавилов присутствовал, но в прениях по докладу Лысенко не выступал), и "сообщение прошло незамеченным. Проф. Н.А. Максимов, как я потом узнал, долго изучал вопросы яровости и озимости растений, также не нашел в моих опытах ничего нового. Он пророчил неудачный исход моего опыта при повторении его в другом районе. Но я не из тех, кто пасует перед трудностями или благоговееет перед застывшими канонами"⁵⁷, – боевито заверил читателей Лысенко. Не проходя испытаний на географическую приемлемость агроприема (о чем, собственно, и предостерегал профессор Максимов – руководитель отдела физиологии растений ВИРа), яровизация шагала по стране: в 1932 г. посевы заняли 43 тыс. га, в 1933 г. – 200 тыс., в 1934 г. – свыше 600 тыс., в 1935 г. – 2,1 млн, в 1936 г. – 6,9 млн, в 1937 г. – 8,9 млн га⁵⁸.

В 1933 г. Лысенко, не дожидаясь краха яровизации, начинает новую шумную кампанию. "Мы обязались в течение трех лет создать путем скрещивания новый сорт яровой пшеницы, которая в условиях климата Одесской области является одной из наиболее трудоемких для селекции культур. Ровно через 2 1/2 года, в 1935 году, были получены три новых сорта яровой пшеницы"⁵⁹, – так заткнул за пояс Лысенко селекционеров-ретроградов. И если новые сорта, которые можно вывести за два с половиной года (т.е. по первому поколению гибридов после скрещивания) – шулерский блеф, то постановление правительства о сокращении сроков выведения сорта с 10–12 лет до 4 максимум было что ни на есть реальностью. Реальностью стала и перестройка системы сортоиспытания в угоду неродившимся сортам невиданных качеств, так же как и начавшийся вслед за этим развал опытного дела в сельском хозяйстве страны.

Государственное сортоиспытание было создано опытным растениеводом и селекционером В.В. Талановым совместно с Вавиловым еще при Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур с целью планового внедрения наиболее ценных сортов и было крупным достижением на пути научной селекции. В 1932 г. Госсортосеть распоряжением наркома земледелия Яковлева, поклонника и покровителя Лысенко, была отделена от ВИРа и автономизирована в самостоятельное учреждение, не имеющее достаточного количества квалифицированных кадров, декларирующее увеличение сортоучастков до неоправданных размеров.

Как реагировал на это варварство Вавилов? Еще в конце 1931 г. он писал: "Задумана серьезная реформа, с которой пытаюсь не соглашаться..."⁶⁰ Отстоять государственное сортоиспытание в прежнем виде ему не удалось, но "автономия" была временно блокирована – учреждение, окончательно не обрывая корней, территориально продолжало находиться при ВИРе, пользуясь методической и консультативной помощью

его специалистов. Но в 1935 г. начался очередной тур реорганизации — Госсортосеть стала подчиняться непосредственно наркому земледелия. Вавилов написал письмо заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.Н. Троицкому: "Что касается отрыва от ВИРа, от работников по культурам, превосходно знающих дело апробации, классификации сортов, географии культур, отрыв от первоклассной библиотеки ВИРа, которая не может быть разделяема, отрыв от наиболее сильного в стране научного коллектива вряд ли будет полезен делу сортоиспытания, полагаем, что будет только вредно"⁶¹. Но впереди была еще более решительная ломка: Госсортосеть определялась в 1100 сортоучастков, центральный орган переводился из Ленинграда в Москву и переименовывался в Государственную комиссию по сортоиспытанию. В декабре 1937 г. Вавилов опять направил протестующее письмо в ЦК партии, но желаемой реакции на него не последовало.

Селекционные увлечения Лысенко также оборачивались огромными убытками, разрушением основного звена сельскохозяйственного опытного дела — местной сети комплексных полеводческих и животноводческих станций, решавших на местах задачи агротехники, удобрений, введения новых культур, севооборотов, разведения животных с учетом условий района. В том же письме в ЦК партии от 22 декабря 1937 г. Вавилов акцентировал внимание и на данной стороне вопроса: "Никто не будет оспаривать значение селекции и семеноводства, но это не значит, что для того, чтобы поднять селекцию и семеноводство, это надо делать за счет агротехнических полеводческих станций, как это делается в настоящее время".

Однако заниматься сетью сельскохозяйственных станций на самом высоком уровне никто не собирался: письмо было переслано в Академию наук СССР, но не для научного обсуждения или решения поставленных в нем проблем, а для приобщения к личному делу академика, который все более становился неудобным. Круг постепенно замыкался. "Один в поле не воин", даже если этот один — ученый, чье имя соседствует на обложке международного генетического журнала с Дарвином и Линнеем.

5 июля 1937 г. в "Правде" был опубликован доклад уже не наркома земледелия, а заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Яковлева (к которому на стол теперь попадали протесты Вавилова) на пленуме ЦК 28 июня 1937 г. "О мерах по улучшению семян зерновых культур", который лег в основу специального постановления по этой проблеме. В докладе Яковлев обрушился с критикой на ВИР, который якобы вывел с полей испытанные крестьянские сорта и рекомендовал на их место такие, которые себя не оправдали на практике. "Сортоиспытательная сеть, — заявил Яковлев, — подчинена не государственному учреждению, а Институту растениеводства, который, видимо, за недосугом очень плохо организовал это дело". Так совершенно неожиданно виновником развала сортоиспытания оказался Вавилов.

Заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК поднял вопрос об организации селекционного дела в стране, о личной заинтересованности селекционера в результатах своего труда. И здесь следовал очередной сюрприз: "Премировать мы считаем необходимым не только селек-

ционер, выведшего новый сорт. Тов. Лысенко, например, путем внутрисортного скрещивания придает сорту, выведенному не им, новую силу — улучшенный им сорт начинает давать в определенных районах большой урожай. Ясно совершенно, что и он должен быть премирован в зависимости от той площади, которую улучшенный им сорт займет в хозяйственных посевах". А с площадями у Лысенко, как мы видели в случае с яровизацией, затруднений не было.

Запись Вернадского в дневнике лаконична и выразительна: "Вчера речь Яковлева о семян[ном] плане. Он нападал на Вавилова (не впервой) — но покрывал мокрым рядом, ибо опытные станции разрушал Яковлев. И он сейчас во главе!"⁶²

В 1938 г. биография Яковлева закончилась так же трагически, как и многих партийных "соратников" Сталина, а истинный и незаурядный талант Лысенко — вопреки очевидному оставаться на плаву — только окреп и нашел себе новые приложения. Пресса писала о нем восторженно: "От Джонатана Свифта до наших дней десятки авторов фантастических повестей и романов широко использовали в своих произведениях сельскохозяйственную тематику. Однако ни один из этих писателей не пытался вообразить, а тем более изобразить такого земледельца, который озимую пшеницу высевает весной, картофель сажает летом, ножницами подстригает колоски, а у хлопчатника обламывает верхушки"⁶³. То, что не снилось даже дерзкому фантасту, было "научной" прерогативой академика АН УССР, академика ВАСХНИЛ (дважды избиравшегося ее президентом), академика АН СССР, Героя Социалистического Труда и трижды лауреата Сталинской премии Лысенко.

Летом 1936 г. Вернадский находился в академическом санатории в Узком. Встречая многих знакомых, разговаривая на разные темы, он интересовался и генетикой. После беседы с Лискуном 1 июля 1936 г. он записал: «С Лискуном о "ревизии" Лысенко. Лысенко возбудил против себя чистых генетиков (статья в "Правде" с Презентом). Отрицает "гены". Комиссия для исследования на месте: Рихтер, Лисицын, Прянишников, Муралов и еще кто-то. Думают, что он толкует свои опыты неверно. Говорят, по поводу подготовл[енных] статей против Лысенко дошло до Сталина. Сталин сказал: пусть будет дискуссия — если теория правильна — она только окрепнет. Очевидно, сейчас пойдет»⁶⁴.

Появившиеся до дискуссии статьи ученых в журнале "Социалистическая реконструкция сельского хозяйства" (Д. Костова, П.Н. Константинова, П.И. Лисицына, М.М. Завадовского) затрагивали очередные новшества Лысенко, последним "теоретическим достижением" которого было внутрисортное скрещивание растений путем искусственного удаления у побегов пыльников, что на практике позволяло посевам опыляться носимой ветром пылью и приводило к их засорению. "Реакционные" резоны генетиков и селекционеров, доказывающих, что растения-самоопылители существуют века, не претерпевая "эволюции" благодаря своему устойчивому генотипу, не устраивали новоявленных "дарвинистов". "Учение о чистых линиях самоопылителей Иоганнсена в корне отрицает центральный пункт эволюционного учения Дарвина, а именно творческую роль искусственного и естественного отбора"⁶⁵, —

заявил Лысенко, который раз сотрясая воздух доморощенными откровениями и псевдореволюционным пафосом борьбы с ретроgrадами. На этой же сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в Москве 19–27 декабря 1936 г. (она вошла в историю биологии под названием первой генетической дискуссии), Лысенко выдвинул свой тезис переделки растений путем соответствующего воспитания, который развился со временем в бред "перерождения" овса в пшеницу, пшеницы в ячмень, гороха в вику, лещины в граб, а пеночки в кукушку, – теорию, которая так импонировала Сталину своей простотой и методологической универсальностью.

Спокойный и обстоятельный доклад Вавилова, осветивший пути и перспективы развития советской селекции, научные доклады Серебровского и Мёллера по проблемам генетики сменились на трибуне сессии пароксизмами логики лысенковщины, бездоказательными и демагогическими нападками на ученых. Толкуя о несостоятельности генетической концепции о "веществе наследственности", как упорно называл гены Лысенко, он заявил: «Я не чувствую в себе достаточной силы, знаний и умения, чтобы по-настоящему разбить этот "закон" [закон гомологических рядов в наследственной изменчивости Вавилова. – Г.С.], не отвечающий действительности, т.е. эволюции. Но я в своих работах наталкиваюсь на неприемлемость этого закона, сама работа говорит, что нельзя с ним мириться, если ты борешься за действительное, направленное овладение эволюцией растительных форм»⁶⁶.

"Знания" и "умение" с некоторых пор стали не нужны для ведения научного спора. Тысячи и тысячи "кастраторов" вышли на поля уродовать растения и насаждать на практике лысенковскую теорию воспитания окружающей среды.

Дискуссия 1936 г. была переломным моментом в судьбе генетики. После ее завершения кампания против "менделистов-морганистов" стала еще более оголтелой, с приклеиванием политических ярлыков, попытками скомпрометировать противника любыми средствами. Особенно тяжелым в этом отношении был для Вавилова 1937 год.

В начале апреля Лискун рассказал Вернадскому о заседании в ВАСХНИЛ, на котором грубым нападкам подвергались Вавилов и Кольцов. Дневниковая запись Вернадского так передает эти события: «"Ученый" секретарь Сельскохоз[яйственной] академии Марголин обвинил Н. Вавилова в фашизме: предложил ему объяснить, что он член иностр[анных] фашистских обществ: Deutsche Botanik Ges[ellschaft], какого-то Лондонского и какого-то американского, куда выбран в последнее время. По-видимому, напирал на честность Н[иколая] И[вановича]? Вавилов ответил на следующем заседании и уничтожил Марголина (невежду, говорят). Он сказал, что ни одно из них не фашистское, но он рассматривал вопрос [об его избрании] не с точки зрения личности, а интересов советской науки и советского государства. С этой точки зрения он считает, что М[арголин] не может судить, но он [Вавилов. – Г.С.] обращался к Литвинову*, который самым решительным образом заявил, что

* Литвинов (Валлах Макс) Максим Максимович (1876–1951) – советский государственный и партийный деятель, в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

он не должен отказываться – а должен принимать избрания. И впредь он в таких вопросах будет обращаться и считаться не с М[арголиным] – уч[еным] секр[етарем] акад[емии], а с высшими инстанциями. [...]

Одновременно подвергся жесток[ой] критике (Презента гл[авным] об[разом]) Н.К. Кольцов. Ему было предложено отказаться от своих ересей, и подняли вопрос о его удалении из акад[емии]. Кольцов отвечал, что он от своих убеждений и научных выводов не откажется и что остается только сжечь его книги»⁶⁷.

Спустя несколько лет, уже после ареста Вавилова и смерти Кольцова, Вернадский запишет в дневнике, что методически, на протяжении ряда лет разрушалась научная работа крупнейших советских генетиков, "течение мысли, проводимое Филипченко – Н. Вавиловым и Кольцовым: «Это жертвы "философских", по существу религиозных, преследований идеологического характера»⁶⁸, а в августе 1937 г. он просто констатировал: "Аресты среди ученых продолжаются: энтомологи (Знаменский), опять у Вавилова"⁶⁹.

1938–1939 годы были таким же тяжелым и тревожным временем, когда решалась судьба биологии, будущего отечественной генетики, как и два предыдущих года. Прошли процессы, изобличавшие "вредительство" в системе сельскохозяйственных органов, на пост наркома земледелия СССР в 1937 г. был назначен Р.И. Эйхе, которого Вавилов в разговоре с Вернадским охарактеризовал человеком грубым и малокомпетентным в вопросах земледелия. В 1938 г. его сменил И.А. Бенедиктов – деятель, который также не вселял в окружающих надежды на внедрение научных основ в руководимую им отрасль. Расстановку сил на 26 мая 1938 г. Вернадский выразил так: "Против Н.И. Вавилова идет расследование: Лысенко во главе. Могут разрушить"⁷⁰. О том, что обстановка была предельно накалена, следует из дневниковой записи Вернадского, сделанной через день, т.е. 28 мая: "Вчера в Президиуме резкое столкновение Вавилова и Лысенко. Спор философский на почве научной. Аресты продолжаются"⁷¹.

Недавно были опубликованы крайне важные для понимания событий второй половины 30-х годов фрагменты работы Вернадского "Научная мысль как планетное явление" (1938)⁷², не включенные в два издания этого труда. В этих фрагментах тонкий и глубокий историк и философ науки в одной из своих многочисленных ипостасей – Вернадский беспристрастно анализировал ситуацию идеологического перекося в сторону догматизма, обозначившегося в науке из-за волевого вмешательства официальной философии, которая из "науки всех наук" постепенно превратилась в специальное орудие, предназначенное для вполне утилитарной функции расправы с неугодными или непокорными. "Принципиально натуралист не может отрицать права и полезности в ряде случаев вмешательства философов в свою научную работу... – писал Вернадский. – Но в нашей стране и здесь мысль находится в положении, которое мешает правильной ее научной работе. В этом случае научная мысль сталкивается с обязательной философской догмой... Эта догма при отсутствии в нашей стране свободного и философского искания, при исключительной централизации в руках государственной власти предварительной

цензуры и всех способов распространения научного знания – путем ли печати или слова – признается для всех необходимой и проводится в жизнь всей силой государственной власти"⁷³.

Красота и огромная притягательная сила личности Вавилова как для Вернадского, так и для многих его современников заключалась в том, что он нашел в себе силы и мужество до конца противостоять не только невежественной агрессии противников в науке, но и догматизму, санкционированному государственной властью и наделенному пышными атрибутами марксизма, материализма, диалектики.

Прямой выход Лысенко на "боярский дом", широкая кампания по выборам его в Академию наук СССР, вмешательство в ход обсуждения кандидатур и nepозволительный нажим на Академию были очевидны. Специальным постановлением СНК СССР от 4 октября 1938 г. были приняты и превентивные меры, гарантирующие выборы от возможных неожиданностей. "Для подготовки вопросов, связанных с проведением выборов действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук, – говорилось в постановлении, – создать при Совнаркоме СССР комиссию в следующем составе: президент Академии наук СССР Комаров (председатель), тт. Лысенко, Вознесенский, Кафтанов, Маленков, Савельев и Петруничев"⁷⁴. О том, что правительственная комиссия не бездействовала, можно судить по дневниковой записи Вернадского. "А[лександр] Е[вгеньевич]* рассказывал, что К[омаров] в тяжелом настроении. Он ждет отставки в форме недопустимой. По-видимому, Лысенко имеет доступ к Сталину и ведет там интригу, – пометил Вернадский 14 ноября 1938 г. – [...] Лысенко, по-видимому, намечается в президенты"⁷⁵.

29 января 1939 г. Лысенко был избран действительным членом Академии наук СССР по представлениям Московского и Ленинградского университетов, а волнения ученых биологического отделения Академии от появления нового сочлена улеглись не скоро. "Боятся Лысенко, – засвидетельствовал Вернадский, – говорят, производит странное впечатление (нормален ли – озлоблен?)"⁷⁶.

И все-таки в 1939 г. тяжелые настроения биологов еще перемежались с надеждами на близкий конец авантюризму Лысенко. Полный крах потерпела яровизация, так и не появились обещанные сорта универсальной пшеницы, не привело к объявленным результатам внутрисортное скрещивание растений. В этой связи постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О расширении озимых посевов и мерах по повышению урожайности в восточных районах страны", опубликованное в "Правде" 6 января 1939 г., было воспринято многими как шаг к нормализации положения в сельском хозяйстве страны, как знак будущих перемен к лучшему. Дневниковая запись Вернадского отразила эти настроения: "Указывают, что сегодняшнее постановление об озимых и семенах показывает направление против Лысенко и влияние Вавилова Н."⁷⁷. В редакционном разъяснении к постановлению говорилось: "Под различными предложениями, часто под флагом якобы научных, но по сути дела вражеских, теорий

* А.Е. Ферсман.

расширение озимых посевов всячески тормозилось, озимые культуры в ряде мест вытеснялись и безоговорочно заменялись яровыми⁷⁸. Ответственность за это передовая статья "Правды" возлагала на ВАСХНИЛ, президентом которой уже был Лысенко. Многим в тот момент показалось, что обозначился поворот к аргументированной критике Лысенко.

Таковыми же настроениями продиктована дневниковая запись от 19 марта 1939 г., сделанная после разговора Вернадского с С.Л. Соболевом – историком биологии и популяризатором науки: «Соболь рассказывал третьего дня о Лысенко – о неизбежности его [Соболя. – Г.С.] предсказаний о падении его значения наверху в связи с неудачными мероприятиями по свекле и хлебам. В "Соц[иалистическом] зем[леделии]" статья Делоне (Харьков) о его ламаркизме»⁷⁹.

Спасая свои покачнувшиеся позиции, Лысенко в начале 1939 г. предпринял очередной демарш. В который уже раз извращенный до неузнаваемости дарвинизм стал его щитом и мечом в нападках на Вавилова, чей фундаментальный вклад в развитие именно эволюционной генетики был признан во всем мире.

Редактируемый Лысенко и Презентом журнал "Яровизация" опубликовал статью самого Лысенко "По поводу статьи академика Н.И. Вавилова", где в очередной раз демагогически отработанными приемами "обличался" Вавилов. В ход был пущен весь арсенал средств борьбы с "мухоловами" вплоть до такого «всемогущего теоретического оружия, как "Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)"»⁸⁰.

Методы ведения спора, далекие от его предмета, давно уже перестали смущать читателей, особенно привычных ко всему подписчиков "Яровизации". Продукт и следствие сталинизма – догматизм и начетничество, освященные именами классиков марксизма, и для биологических канонов также Дарвина, Тимирязева и Мичурина, воспринимались директивой, которую лучше не обсуждать. Новой волне кампании против менделистов был придан необходимый импульс. И результат не замедлил сказаться.

В начале февраля 1939 г. Отделом науки ЦК ВКП(б) было рассмотрено заявление партийной организации ИГЕН АН СССР "о нетерпимом положении с руководством и работой Института генетики", где среди обширного списка недостатков и злоупотреблений отмечалось: «Подлинное руководство Институтом отсутствует. Руководство Н.И. Вавилова может быть охарактеризовано как гастролерство. Кроме того, во время редких приездов в Институт он не только не дает правильных указаний к перестройке, а своими "указаниями" дезорганизует работников Института»⁸¹.

Заявление из Отдела науки ЦК было переслано в Академию наук СССР с акцентом на то, что вопросы, затронутые в "сигнале" генетиков-партийцев (кстати сказать, ничем себя в науке не проявивших, кроме мастерства в общественно-атакующем стиле заявлений), заслуживают серьезного внимания. Имеется и резолюция вице-президента АН СССР академика О.Ю. Шмидта: "Лично многократно беседовал. Хранить до решения вопроса"⁸².

Судя по подготовительным материалам к очередной (второй по счету) общесоюзной генетической дискуссии, первоначально предполагалось провести ее в стенах Академии наук СССР. Шмидт лично беседовал с Вавиловым, Серебровским, Левитским; они, а также Дубинин и Малиновский предоставили ему материалы о положении в генетике.

Где и когда состоялось решение провести дискуссию при редакции журнала "Под знаменем марксизма", в документах Академии наук не отражено, но, по-видимому, люди, от которых это решение зависело, сочли более надежным передать вопрос в руки философов, которые к 1939 г. уже не раз проявили себя большими мастерами ставить точки над і.

Готовясь к докладу на активе Института философии АН СССР по итогам дискуссии (или совещания по генетике и селекции, как оно официально называлось), уже известный нам Токин зафиксировал в своих тезисах: "Стены ИМЭЛ*, вероятно, впервые огласились не только взволнованными выступлениями ораторов, но и кудахтаньем смущенных таким собранием... кур!"⁸³ Около 150 участников дискуссии приготовились к предметному спору, принеся с собой образцы растений, плодов, гибридных животных и другие достижения "вредных теорий", но аргументы им так и не потребовались. "История теоретич[еской] борьбы и история общеполитич[еской] борьбы учат нас, – как поведал Токин, – что за формой, которую принимают споры по специальным вопросам, кроется большое общеполитич[еское] содержание, большее, чем это видно по названию и чем это представляется многим участникам таких споров"⁸⁴. "Политическое" содержание двух противоположных точек зрения он сформулировал так: "Большевистский, хозяйский, государственный подход Лысенко. Вавилов – преклонение перед заграницей. Отсутствие критики и самокритики"⁸⁵.

Так "больное" и "невежественное", отмеченное Вернадским еще в 1932 г., перебродило и вылилось в хрестоматийные постулаты общественно-политической демагогии.

Травля Вавилова перед дискуссией и близость Лысенко к Сталину имели еще один крайне неприятный организационный аспект: "На днях Каганович осматривал – или велел осмотреть? – новое помещение для Института генетики (Вавилов), и сейчас оно отбирается от Академии"⁸⁶, – записал Вернадский в дневнике 7 апреля 1939 г. Среди ученых распространилось мнение, что это решение принято с ведома Сталина.

За день до окончания генетической дискуссии (14 октября 1939 г.) Вернадский сделал запись в одной из своих дневниковых тетрадей: «В "Nature" статья о генетиках. Сейчас идут (или кончились) споры генетиков. (С учас[тием] Вавилова и Лысенко – арбитры философы – Деборин.)»⁸⁷. Справедливости ради заметим, что академик А.М. Деборин в данном случае упомянут Вернадским не как конкретное лицо, а как собирательный образ философа поры "сталинской демократии" (хотя и ему не удалось избежать опалы и неизбежного в этом случае политического ярлыка "меньшевистствующего идеалиста"). Настоящим же,

* Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК партии.

обличенным всеми полномочиями философским арбитром генетики на совещании выступил один из действительных лидеров официальной философии – академик М.Б. Митин. В заключительном слове, поддерживая направление, возглавляемое Лысенко, он заявил: "Идет борьба представителей передовой, революционной, новаторской в лучшем смысле этого слова науки против консервативных, догматических, устаревших концепций, против консервативного направления в науке, которое не желает считаться с достижениями практики, за которое цепляются и с которым вместе идут самые реакционные элементы в науке". В этом контексте Вавилов выступал в роли лидера "самых реакционных элементов в науке..."⁸⁸.

После окончания дискуссии Вернадский, ознакомившись со статьей Митина в "Правде", где были подведены итоги совещания, записал в дневнике: "Мне кажется, М[итин] в генах запутался. Я пробовал читать Мичурина – все это не обработано. Удивительно, что сейчас нет никаких продуктов его творчества"⁸⁹. А Вавилов отправил Митину письмо, в котором еще раз попытался обратить его внимание на тот откровенный вред, который приносит нездоровая ситуация в биологии поступательному развитию науки, интеграции теоретических идей и прикладных направлений в генетике, нормальному взаимопониманию и взаимовлиянию естествознания и философской мысли. Он особо подчеркивал: "Разделение в этой области реакционной и передовой науки сделано, к сожалению, весьма неправильно, ибо то, что на нашем участке презенты усиленно желают называть передовой наукой, фактически поворачивает ее назад на десятилетия, реакционным же есть стремление называть наиболее движимый раздел биологической науки, который в сумбур понятий о наследственности внес порядок, закономерности, материалистические представления и подводит к решению трудных вопросов создания новых наследственных форм. Ваша формулировка, боюсь (рад, если ошибусь), дает возможность продолжать махаевщину, которая заволакивает наш участок"⁹⁰.

В неравной схватке личной принципиальности и государственного догматизма победил Лысенко.

В январе 1941 г. Вернадский записал в дневнике о творце новой биологии: "Мне не пришлось ни разу говорить с ним и слушать его. Впечатление – что все у него поставлено на формальной правильности выводов: как рассказывал С[оболь] – Лысенко говорил при нем, что его сотрудник, делая опыт, должен получить вывод, который Л[ысенко] ему укажет"⁹¹. За три года до этой записи о лысенковском методе бездоказательной "версификации" Вернадскому сообщал Бельговский, который в составе группы молодежи Института генетики по инициативе парторганизации ИГЕН был командирован в Одессу для ознакомления с "передовым" опытом: "Впечатление неопределенное. Надо верить на слово. Но впечатление от окружения Лысенко плохое – карьеристы, не возбуждающие доверия, опыты не поставлены согласно современным требованиям"⁹².

30 мая 1941 г. Вернадскому все-таки довелось услышать "красноречие" Лысенко. Оба они присутствовали на сессии Общего собрания Академии

наук СССР, посвященной проблеме повышения урожайности. В прениях по центральному докладу Прянишникова о перспективах химизации сельского хозяйства на 15 лет выступил и Лысенко, который, по определению самого Вернадского, говорил "очень мало и слабо"⁹³.

Интересно, что в личном архиве Вернадского сохранилось много вырезок из газет со статьями Лысенко и корреспонденциями о нем, имеются даже несколько выписок его перлов. Однако уже в августе 1944 г., наверное, под впечатлением от лысенковского агроприема, получившего широкое распространение в годы войны, а именно от посадки картофеля глазками, отобранными из картофельных очисток, Вернадский сделал такую дневниковую запись: «М[ежду] пр[очим] фольклор: "Советская агрономия *облысела*" (!). Но у Лысенко есть здоровые элементы – положительные"⁹⁴.

По-видимому, Вернадский поделился своими соображениями по поводу положительных элементов в теориях и практике Лысенко с автором горького афоризма, действительно ставшего фольклором*, потому что через две с лишним недели появилась другая запись в дневнике: «Прянишников дал мне для ознакомления книгу Т.Д. Лысенко "О наследственности и ее изменчивости" (Издательство Наркомзема СССР) как невежественную. Он мне говорил о другой, в которой Лысенко говорит о размножении атомов... Характерная фраза: "Любая молекула и атом живого тела, если можно так выразиться, в известные моменты сами себя воспроизводят. Но все эти *различия* [мною подчеркнуто. – В.В.] и клетки в организме получают из зиготы путем воспроизведения не себе подобных, а неподобных себе, путем дифференцировки, т.е. развития". Понять это можно, но он имеет свою плохую терминологию. Подчеркнуто мною "*различия*" – т.е. он хотел сказать, что не те молекулы и атомы – а их место занимают другие. Может быть, он думает по-украински?»⁹⁶

Думал ли Лысенко по-украински или по-русски, но он думал, безусловно, иначе, чем Вавилов и Вернадский, чье нравственное восприятие мира слишком адаптировалось для оценки Лысенко не как сверхактивного агронома-недоучки, а как зловещего социального явления.

Весть об аресте Вавилова буквально потрясла Вернадского, хотя массовые репрессии 1937–1938 гг. приучили людей (насколько к этому вообще можно привыкнуть) к незаконному, возведенному в норму жизни общества, незаслуженно горьким утратам родственников, соратников, учителей, учеников, единомышленников, просто современников, обесцениванию честности и таланта, унижению личности и оскорблению человеческого достоинства и вытравливанию памяти о людях, которые были и всегда останутся гордостью народа.

В дневниках Вернадского много записей о политических процессах, арестах в среде ученых, массовых репрессиях и терроре того страшного

* По свидетельству А.И. Скрепинского, приведенному в его воспоминаниях "Петровка 1911–1917 годов": «Дмитрий Николаевич [Прянишников. – Г.С.] был ярким противником взглядов Лысенко. Это наглядно проявилось в одной его остроте. В письме к Дояренко из Москвы в Саратов после засилия лысенковской группировки, сообщая о делах, он между прочим написал: "Началось облысение науки...". Судьба этого письма мне не известна»⁹⁵.

времени. Но одна из них настолько выделяется своим эмоциональным строем и нескрываемым волнением, что личное отношение к происходящему отразилось даже на почерке ученого. Вернадский-историк, анализируя впечатления Вернадского – современника событий, записал 1 марта 1938 г.: «Сегодня в газетах известие о новом "процессе". Безумцы. Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что в своей основе не исчезнет. Но силу государства, в котором интересы масс – во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) – стоят действительно в основе государства, сейчас сами подрывают.

Огромное впечатление тревоги – разных мотивов – но *не* чувства силы правящей группы – у всех. Глупые мотивировки в газетах (перед[овые] статьи) – а затем разношерстность людей – четыре врача, а в том числе Дм[итрий] Дм[итриевич]!* Кто поверит? И если часть толпы поверит, то эта часть такая, которая поверит всему и на которую не обопрешься. Тревога в том, в здравом ли уме сейчас власть, огромная власть, делающая нужное и большое дело и теперь его разрушающая? [Это] может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а по произволу самой власти»⁹⁷.

Страшный фарс политических "процессов" не укрылся от чуткого ко всем проявлениям действительности ума Вернадского, но ему суждено было, понимая фантастический размах санкционированных государственной властью фальсификаций, пережить много известий об арестах учеников, друзей и знакомых. Судьба Вавилова волновала его по-особенному. 14 сентября 1940 г. он записал в дневнике: "Я никак не могу примириться – конкретно – с арестом Н.И. Вавилова. Напоминает все это Одиссея и его спутников в пещере Полифема"⁹⁸. Но если мифический Одиссей, умный и бесстрашный путешественник, ведомый Афиной, спасается от страшного и кровожадного великана, то жизнь Вавилова оборвалась трагически, Трагически вопреки желаниям и сопереживаниям лучших из современников, вопреки здравому смыслу и истинным интересам самого государства.

Вернадский стремился разузнать о Вавиллове все, что было возможно. Уже через 20 дней после ареста, 26 августа 1940 г., он записал: "Слухи о Н.И. Вавиллове. Раньше через Лабораторию недели две-три назад – при обыске у него на квартире, а сам он будто бы на Кавказе. Теперь из Об[щества] исп[ытателей] прир[оды] – будто квартира в Лен[инграде] запечатана, а сам он в Зап[адной] Украине"⁹⁹. Но, как и полагается слухам, они были правдивы только наполовину, так как 26 августа Вавилов находился уже в Москве во Внутренней тюрьме НКВД и был ознакомлен с чудовищным обвинением в "измене Родине".

Спустя еще две недели Вернадский виделся с академиком А.А. Борисяком, который сообщил ему новые подробности о Вавиллове. "Борисяк говорил, что до его [Вавилова. – Г.С.] отъезда в Буковину он имел с ним разговор. Н[иколай] И[ванович] был очень доволен. Говорят, что он делал доклад в ЦК партии о Лысенко"¹⁰⁰. А спустя еще пять дней,

* Д.Д. Плетнев.

14 сентября, Вернадский встретился с Прянишниковым и узнал от него, что Вавилова арестовали около Черновиц после цикла блестяще прочитанных лекций перед научной аудиторией Западной Украины и в разгар экспедиционной работы, целью которой было сельскохозяйственное освоение западных районов Украины и Белоруссии, недавно воссоединенных с этими республиками. К моменту разговора Прянишников уже успел узнать в органах прокуратуры о "политической подкладке" дела Вавилова и получить традиционные заверения, что "все будет выяснено и, если он не виноват, Вавилов будет освобожден"¹⁰¹. В записи Вернадского далее следуют слова: "Связывают все с Лысенко".

Многие подробности о судьбе Вавилова узнавал Вернадский от Прянишникова, который не мог даже мысленно примириться с потерей Вавилова для науки.

Другим человеком, с которым Вернадский часто говорил о Вавиллове, был полный антипод Д.Н. Прянишникова – И.В. Якушкин, которого по неписанным законам криминального жанра "тянуло" на эти разговоры. Теперь известно, что Якушкин выступил одним из "экспертов" по делу Вавилова, но уже в 1937 г. проницательный глаз Вернадского заметил, что его знакомый Якушкин (брат друга Вернадского – Е.В. Якушкина) – "превосходный человек – после тюрьмы... пошел на компромиссы"¹⁰².

Не стремясь здесь проследить или объяснить нравственную эволюцию "превосходного человека" в доносчика и приспособленца (что, возможно, когда-нибудь станет объектом изучения исторической психологии, коль уж мы не признаем буржуазного бихевиоризма?), обратим внимание на то, что в ряду бесславных имен людей, писавших на Вавилова доносы и заключения, никак не различались до сих пор те, кто, руководствуясь страхом и принуждением, оставляли свои опусы в органах НКВД, следствия или прокуратуры, и те, кто, руководствуясь убеждениями и идейными соображениями, направляли "сигналы" в партийные инстанции. И если заключение такого "эксперта", как Якушкин, было уже *post scriptum* к принятому на высоком уровне решению убрать Вавилова, то, например, заявление партийной организации Института генетики (в лице Дозорцевой, Нуждина, Соколовской и Шкварникова) в феврале 1939 г., накануне второй генетической дискуссии, в Отдел науки ЦК ВКП(б)¹⁰³ вполне могло стать прелюдией к "делу Вавилова". Почти текстуальные совпадения подлого доноса и принципиального заявления дают больше поводов задумываться над тем, почему многие социалистические идеи оказались скомпрометированными.

Сразу после ареста Вавилова Лысенко поспешил захватить руководство Институтом генетики, разрушить образцово налаженную работу ВИРа. Общаясь с бывшими сотрудниками Вавилова, Вернадский был в курсе многих подробностей последовавших "реорганизаций". 21 января 1941 г. он отметил: "Лысенко разогнал Институт генетики Вавилова. Любопытная фигура: властная и сейчас влиятельная"¹⁰⁴. Спустя неделю Вернадский беседовал с И.В. Якушкиным: «Говорит, Н.И. Вавилов, мо-

жет быть, и "оправдается", но работа его разрушается Лысенко энергичным образом. Сколько таких бессмысленных уничтожений труда и мысли (Филипченко, Кольцов и т.п.)»¹⁰⁵. После прихода Лысенко к руководству Институт генетики стал самым малочисленным учреждением Биологического отделения Академии, но старые его сотрудники (а их оставалось только трое: Лепин, Бельговский и Прокофьева-Бельговская) сохранили свою научную тематику и даже вывезли в эвакуацию во Фрунзе генетическое яблоко раздора – фруктовую мушку дрозофилу¹⁰⁶.

3 мая 1941 г. Вернадский встречался со своей старой сотрудницей М.П. Белой. "Она работает в Институте у Н.И. Вавилова (Н.Н. Иванова) над селекцией семян ржи из всего Союза, собранных с огромными затратами, – записал Вернадский уже о ВИРе. – Когда она приступила к работе, то оказалось, что de facto из того, что числилось, осталось немного. Очень ценный труд Н.И. Вавилова был уничтожен чиновниками". Сам Иванов – биохимик и физиолог растений, заведовавший с 1922 г. биохимической лабораторией ВИРа, внезапно скончался 3 декабря 1940 г. "в связи с теми неприятностями, которые он пережил с разрушением дела его жизни, в связи с арестом Н.И. Вавилова"¹⁰⁷.

Мысль об истреблении людей, столь щедро одаренных природой, как Вавилов, казалась современникам настолько дикой и противоестественной, что время от времени рождались слухи, добытые будто бы от знающих или лично видевших людей, что человек жив и здоров и не обнаруживает себя только потому, что работает в закрытой "шарашке", и хотя бы под конвоем, но приближает своим трудом долгожданный для всех день Победы, когда и наступит время вершить справедливость. Оставляя зыбкую надежду, слухи мгновенно подхватывались и быстро распространялись среди знакомых. 24 января 1942 г. Вернадский записал: "Слухи, что Н.И. Вавилов выпущен благо[даря] американским друзьям, – логика или реальность?"¹⁰⁸. Несмотря на все попытки иностранных ученых выяснить, куда исчез исследователь, покоровший своими трудами и человеческим обаянием мир, – Вавилов, и предпринятые для этого шаги, все же желаемое выдавалось за действительность исключительно следуя логике, реальность же больше не оставляла надежд. 26 декабря 1942 г. Вернадский в письме брату Вавилова – С.И. Вавилову тоже задавал вопрос, продиктованный логикой и волновавший весь ученый мир: "Нет никаких известий о Н[иколае] И[вановиче]?"¹⁰⁹

В начале июля 1943 г., когда Вавилова уже не было в живых*, Вернадский получил письмо из Сталинабада, где проживал на поселении после отбытого срока его младший друг и ученик Б.Л. Личков. Оторванный от центра сотнями километров, не зная многого из того, что произошло почти за 10 лет его отсутствия, Личков писал о жизнеутверждающей и солнечной силе редкого вавиловского таланта ученого: "Пришлось мне перечитывать в последнее время ряд работ Н.И. Вавилова и о происхождении культурных растений, и по общим вопросам биологии (вид как система, гомологические ряды и др.). Удивительно

* Вавилов скончался в Саратовской тюрьме 26 января 1943 г.

гениальный и интересный ум. Владеет огромным фактическим материалом и богатейшей способностью к обобщениям, и при этом удивительно интересны и неожиданны его обобщения"¹¹⁰.

Подавленный кончиной жены – Н.Е. Вернадской, с которой он прожил 56 счастливых лет, оберегая Личкова от лишних неприятностей, 80-летний Вернадский не нашел в себе сил ответить на это письмо (а может быть, оно просто не дошло до своего адресата).

Если бы рукописи не горели, мы бы сегодня знали неизмеримо больше о взаимоотношениях двух великих современников – Вернадского и Вавилова. Но два грузовика личных вещей и документов Вавилова, изъятых на его ленинградской квартире после ареста, были преданы огню. Остается гадать, сколько законченных и незаконченных работ, статей и замыслов навсегда выпало из научного обращения, сколько писем, набросков и заметок всегда будет недоставать при любой попытке воссоздать образ ученого, мир его идей и увлечений.

Дневниковые записи Вернадского, которые легли в основу данной статьи, конечно же, выражают субъективное и глубоко личное отношение их автора к происходившему. Они не должны рассматриваться как изолированный от других свидетельств времени источник при оценке или интерпретации описываемых событий. Однако, обладая бесценным свойством сиюминутности, записи абсолютно надежны в одном – в правдивости и искренности отношения одного из самых острых умов отечественной науки к современной ему жизни, людям, явлениям. Не потому ли чувство особой благодарности возникает к Вернадскому-гражданину, что он бережно собирал и хранил свой богатейший архив и в дни благополучия, и в тяжелые времена, когда иная дневниковая запись (а сколько их у него!) могла стоить ученому жизни.

Не умел и не желал Вернадский примириться с происходившим вокруг: неоднократно возвращался мыслью к Вавилу, к его огромной работе, которая была варварски растоптана, к памятным событиям эпохи, свидетелями которых были они оба.

Уже во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны Вернадский, находясь в Боровом, сделал запись в дневнике (она не датирована): "...15 августа (5 августа?)" был арестован по дороге в Буковину – в Черновцы Николай Иванович Вавилов – один из крупнейших наших ученых. Об этом очень скоро стало известно. Разрушена огромная работа. Думаю, что это связано с каким-то неосторожным выбором людей, которым он доверял. Я в первый раз познакомился с ним, когда он был студентом, слушал курсы Петровской Академии – он нашел тогда, как все считают, дикую рожь чуть ли ни в Персии. [...] Он работал по генетике в Петровско-Разумовской Академии. Потом у меня были с ним самые хорошие отношения. Этот арест – одна из самых больших ошибок власти с государственной точки зрения"¹¹¹.

В декабре 1944 г., размышляя о "деятельности" органов НКВД, "разрушающих нашу страну", Вернадский привел в дневнике список жертв сталинизма, особенно близких ему по духу. "Это не забывается, – записал

* Точная дата ареста Вавилова 6 августа 1940 г.

он. – За последнее время Д.И. Шаховской (почта), Головин*, Котляревский**, Н.И. Вавилов и т.д."¹¹² Запись, по-видимому, появилась в связи с получением неизвестно как попавшего к нему письма племянника жены Вернадского Г.Г. Старицкого, отбывавшего заключение в Норильске, с подробным описанием дней, проведенных на Лубянке Шаховским – близким другом Вернадского, арестованным в 1938 г. в возрасте 77 лет за дореволюционную принадлежность к кадетской партии. Названная вместе с другими именами знакомых Вернадского со времен либеральной молодости, фамилия Вавилова в этом списке незабываемых потерь была, однако, навеяна другими ассоциациями – сожалением о безоговорочном официальном запрете генетики в стране. В письме своему старому украинскому знакомому, биологу, академику АН УССР Н.Г. Холодному, Вернадский так сформулировал эту мысль: "К сожалению, у нас уничтожены все центры научной работы по генетике. Но по подбору научных сотрудников в Академии я вижу пагубные последствия этой государственной ошибки"¹¹³.

И еще. Вернадский всю свою жизнь собирал материал для задуманного им труда по истории человеческих знаний. Многие и многие папки с газетными вырезками, выписками из книг и статей, конспектами глав составляют значительную и ценную часть его архива. Символично, что хронологически последняя запись о Вавиллове сделана на газетной вырезке из этих папок меньше чем за месяц до кончины самого Вернадского. "...Николай Иванович Вавилов – один из крупнейших прикладных ботаников, крупный теоретик и практик нашей страны... – продиктовал Вернадский своему секретарю уже для Истории. – Он был командирован Академией наук в Галицию, где прочел блестящий курс лекций с огромным успехом. Мне рассказывали об этом некоторые сотрудники, при которых все это совершилось"¹¹⁴. (По свидетельству ученика Вавилова Ф.Х. Бахтеева отряд экспедиции в Северную Буковину состоял из Вавилова, В.С. Лехновича и него – Бахтеева.) "Его арест произвел большое впечатление, – продолжает Вернадский. – Были попытки иностранных учен[ых] спасти его. Он был выбран членом Кор[олевского] Общ[ества] в Лондоне как крупный ученый. О выборе его в члены Корол[евского] Общ[ества] я узнал из газет. Он был в это время в тюрьме в Саратове (кажется, из верных источников). Он умер от голодной смерти, была ли это пытка или недоедание. Он был в полном разгаре [творческих сил]"¹¹⁵.

Существует расхожее мнение, что незаменимых людей нет. В абсолютном большинстве случаев это, наверное, справедливо. Но Вавилов, по мнению Вернадского, принадлежал к редкой породе незаменимых: "Лично я считаю его самым крупным организатором в области прикладной ботаники и земледелия, незаменим"¹¹⁶.

* Головин Федор Александрович (1867–?) – земский деятель, председатель II Государственной думы, член ЦК партии кадетов.

** Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, приват-доцент Московского университета, член I Государственной думы, член ЦК партии кадетов.

- ¹ Российский государственный архив экономики (прежде: ЦГАНХ). Ф. 342. Оп. 2. Д. 56. Л. 34–37.
- ² *Ролл-Хансен Н.* Жизнь и труды Вавилова в западной литературе // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1987. № 4. С. 53.
- ³ *Фокин А.М.* Некоторые черты характера и научного облика В.И. Вернадского // *Воспоминания о В.И. Вернадском: К 100-летию со дня рождения.* М., 1966. С. 8.
- ⁴ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 49. Л. 12.
- ⁵ *Научное наследство.* М., 1986. Т. 5: Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1911–1928 гг. С. 28.
- ⁶ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 76. Л. 133.
- ⁷ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 54.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978. С. 230.
- ¹⁰ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 12. Л. 13.
- ¹¹ Цит. по: *Кумок Я.* Заглянувший в будущее // *Огонек.* 1988. № 11. С. 24.
- ¹² *Генетика.* 1966. № 8. С. 141.
- ¹³ Там же. С. 141–142.
- ¹⁴ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 15. Л. 23.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 25 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 28.
- ¹⁸ *Научное наследство.* М., 1987. Т. 10: Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1929–1940 гг. С. 67.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 54 об.
- ²¹ *Коллективизация: Как это было?* // *Правда.* 1988. 16 сент.
- ²² *Научное наследство.* Т. 10. С. 79.
- ²³ *Лит. газ.* 1988. 16 марта. С. 13.
- ²⁴ *Филатов В.П.* Об истоках лысенковской "агробиологии": (Опыт социально-философского анализа) // *Вопр. философии.* 1988. № 8. С. 3–22.
- ²⁵ *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988. С. 58.
- ²⁶ *Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии.* М.; Л., 1931. С. 12.
- ²⁷ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 25.
- ²⁸ *Лит. газ.* 1988. 16 марта. С. 13.
- ²⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 25.
- ³⁰ Там же. Д. 7. Л. 32.
- ³¹ *Научное наследство.* Т. 10. С. 218.
- ³² Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 18а.
- ³³ *Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1932 г. Л., 1933.* С. 43.
- ³⁴ *Научное наследство.* Т. 10. С. 158.
- ³⁵ *Природа.* 1987. № 10. С. 100.
- ³⁶ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 35–35 об.
- ³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1947. Л. 1–2.
- ³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 50.
- ³⁹ Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 23. Л. 60–60 об.
- ⁴⁰ См.: *В.И. Вернадский и современность.* М., 1986. С. 123–129, 147–154.
- ⁴¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 20 об.
- ⁴² Там же. Д. 20. Л. 25.

- ⁴³ СЗ СССР. 1934. № 37. Ст. 296–298.
- ⁴⁴ Научное наследство. Т. 10. С. 231.
- ⁴⁵ СЗ СССР. 1934. № 3. Ст. 29, 30.
- ⁴⁶ Научное наследство. Т. 10. С. 50.
- ⁴⁷ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 25 об.
- ⁴⁸ Известия. 1934. 22 дек.; Совхоз. газ. 1934. 24 дек.
- ⁴⁹ Чирков Ю. Памирский феномен // Наука и жизнь. 1988. № 9. С. 28.
- ⁵⁰ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 76 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 19. Л. 7.
- ⁵² Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1973. С. 162.
- ⁵³ Лит. газ. 1987. 25 нояб. С. 12.
- ⁵⁴ См., например, статью Ж. Медведева "У истоков генетических дискуссий" (Новый мир. 1967. № 4) с критическим разбором главы документальной повести М. Поповского "1000 дней академика Вавилова" (Простор. 1966. № 7–8).
- ⁵⁵ Научное наследство. Т. 10. С. 221.
- ⁵⁶ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 45 об.–46.
- ⁵⁷ Правда. 1937. 1 окт.
- ⁵⁸ Известия. 1937. 23 нояб.
- ⁵⁹ Правда. 1937. 1 окт.
- ⁶⁰ Научное наследство. Т. 10. С. 133.
- ⁶¹ Там же. С. 270.
- ⁶² Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 59.
- ⁶³ Правда. 1938. 7 дек.
- ⁶⁴ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 49 об.–50.
- ⁶⁵ Спорные вопросы генетики и селекции. М.; Л., 1937. С. 42.
- ⁶⁶ Там же. С. 69.
- ⁶⁷ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 55–55 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 49. Л. 7.
- ⁶⁹ Там же. Д. 7. Л. 60.
- ⁷⁰ Там же. Л. 92.
- ⁷¹ Там же. Л. 92 об.–93.
- ⁷² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление: (Неопубликованные фрагменты) // Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 1. С. 71–79.
- ⁷³ Там же. С. 79.
- ⁷⁴ Архив РАН. Ф. 462. Оп. 1–1938. Д. 37. Л. 70.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 5 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 22 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 17.
- ⁷⁸ Правда. 1939. 6 янв.
- ⁷⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 25.
- ⁸⁰ Яровизация. 1939. № 1. С. 137.
- ⁸¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а–1939. Д. 172. Л. 5.
- ⁸² Там же. Л. 1.
- ⁸³ Там же. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
- ⁸⁴ Там же. Л. 2.
- ⁸⁵ Там же. Л. 6.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. Л. 25 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 29 об.
- ⁸⁸ Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 149.

- ⁸⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.
- ⁹⁰ *Вавилов Н.И.* "Жизнь коротка, надо спешить". М., 1990. С. 605.
- ⁹¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 20. Л. 25.
- ⁹² Там же. Д. 19. Л. 13.
- ⁹³ Там же. Д. 20. Л. 68 об.
- ⁹⁴ Там же. Д. 23. Л. 17.
- ⁹⁵ Российская государственная библиотека (прежде: ГБЛ). Ф. 218. № 1341. Д. 11. Л. 21.
- ⁹⁶ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 23.
- ⁹⁷ Там же. Д. 7. Л. 75.
- ⁹⁸ Там же. Д. 20. Л. 16 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 15 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 16.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 16 об.
- ¹⁰² Там же. Д. 7. Л. 54 об.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 2. Оп. 1а-1939. Д. 172. Л. 2-6.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 518. Оп. 2. Д. 20. Л. 26.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 30.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 119. Л. 1-1 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 58 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 49. Л. 9.
- ¹⁰⁹ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 335.
- ¹¹⁰ Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым, 1940-1944. М., 1980. С. 149.
- ¹¹¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 49. Л. 12.
- ¹¹² Там же. Д. 23. Л. 69.
- ¹¹³ Там же. Оп. 3. Д. 1756. Л. 30.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 190. Л. 10.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же.